

Сергей К. Данилов

Знакомые истории

Сергей Данилов

Знакомые истории

«Издательские решения»

Данилов С. К.

Знакомые истории / С. К. Данилов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852927-6

Сборник рассказов о человеческих отношениях: прекрасных и разных, в сути своей давно хорошо известных, но каждой судьбой открываемых по-новому.

ISBN 978-5-44-852927-6

© Данилов С. К.
© Издательские решения

Содержание

АХ, ЭТИ СЕРЫЕ ГЛАЗА	6
ВАЛЕРЬЯНОВЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК	19
ГИПОТЕЗА БИБЕРБАХА	28
ГОГОЛЕВСКАЯ ШИНЕЛЬ МАЙОРА	33
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ МАНЬЯКА	35
ДЯДЮШКА ЖО И ЕГО БРУТ	46
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Знакомые истории

Сергей К. Данилов

© Сергей К. Данилов, 2017

ISBN 978-5-4485-2927-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АХ, ЭТИ СЕРЫЕ ГЛАЗА

Старший экономист Алла Карсавина возвращалась домой после зимнего отпуска. Полмесяца она брала летом, ездила дикаркой в Сочи, сейчас провела неделю в небольшом кемпинге при горнолыжной трассе, где обычно в это время года собирается уйма народа. На лыжах Алла стояла неплохо, в том числе и горных, но, увы, пошиковать не удалось – всю отпускную неделю держались сильные морозы. Подъёмник не включали ни разу. Несколько новых знакомств, заведённых в гостинице у камина, трудно отнести к разряду особо удачных: сплошь довольные жизнью улыбочивые женатики, которые целый день могут просидеть на деревянной лавке за пивом, громко обсуждая тонкости альпинистского снаряжения.

В её почти тридцатилетнем возрасте семейное положение сильного пола начинаешь различать без расспросов, по походке, на расстоянии ста метров. Подержанный товар нам не нужен. Изумительно красивая девушка с роскошными золотистыми волосами, широко распахнутыми в мир большими голубоватыми глазами, в уголках которых, к сожалению, поселились не очень заметные до времени гусиные лапки. По замечанию родной мамочки, слишком много продохотала весёлых лет. За спиной осталась сотня сказочных романов, и все как один кончились ничем. Наверное, поэтому Алла не ударилась в кемпинге во все тяжкие, как в прежние бы времена, хотя один молодой женатик со шкиперской бородкой, в огромных высокогорных ботинках, изображавший из себя плейбоя, очень ей понравился, жутко захотелось тряхнуть стариной, но благоразумие взяло верх, она опомнилась и воздержалась, решила не портить репутацию, ждать ЕГО до самого конца. ОН так и не появился. Мороза испугался, что ли?

И вот вам, пожалуйста, результат: сидит Алла одна-одинёшенька в своём купе, смотрит на пустынный перрон и бесславно ждёт отправления поезда. В каком-то смысле уже приехали. Здравствуйтесь, девочки! Чёртов поезд должен был отправиться десять минут назад, но после слабеньких подёргиваний и потряхиваний, замер на прежнем месте. Очень холодно сегодня, техника не выдерживает, что подъёмник, что поезд, всё дохнет на корню. А у неё на душе ещё холоднее, просто абсолютный ноль: лёд, камни, безвоздушное пространство.

Была последняя надежда на вагонное знакомство, чтобы ОН и ОНА вдвоём в одном купе оказались, даже элитное нижнее бельё в дорогу напялила, и сама при полном параде, прямо из парикмахерской, с корабля на бал... И что? Городок напрочь вымерз, во всём их вагоне лишь три купе заняты. В соседнем устроился пузатый военный, явно имеющий на неё виды, но стопроцентный женатик. В другом две пожилые женщины. Вот и весь праздничный набор.

«Я как пуля на излёте, – подумала Алла, – лечу, лечу, а цели нет. Скоро о землю шлёпнусь, и все дела»

Она уже решила переодеться в штаны и свитер, иначе с красиво декольтированной грудью ей вечером не отбить атак капитана, который уже сейчас вьётся паутом на голое тело возле открытых дверей её купе и вот-вот, как только проводница соберёт билеты, влетит сюда, ничем потом не выкуришь. И тут вдруг, как в новогодней сказке, на перроне появился ОН. Алла прильнула к холодному стеклу: высокий, стройный, в длинном модном расстёгнутом пальто, с вьющимся до земли белым шарфом, неторопливо и чётко маршировал по снежному насту, пушинкой неся огромный кожаный чемодан. Будто зная наперёд, что без него поезд с места не двинется. Неужели действительно ждали его? Алла – несомненно!

Но кто он? Провожающих нет, какая радость! Лицо молодое, с румянцем на щеках, из-под шапки видны только тёмные брови, прямой нос, шикарные усы и решительный подбородок. Точно, ОН! Как на картинке. Неужели? Неужели другое купе? Неужели опять не судьба? Господи, да сделай же что-нибудь! Хоть раз в жизни выдай замуж нормально! Нет, чего сказку выпрашивать? Это, наверное, и для бога непосильная задача, ладно уж, в будущем пусть и раз-

ведёмся, пусть жить одной, от случая к случаю, да воспитывать ребёнка, как все обычные бабы. Но сейчас-то, господи, дай счастья!

День клонится к вечеру. Мороз под сорок. Ликование души неизвестно по каким причинам, и вот не застёгнуто пальто, лицо быстро твердеет и сохнет, случайное выражение схватывается гипсовой маской радости: ах, какая ерунда, когда... что? Шарф метётся у колен. Он один на пустынной сцене перрона. Отправление поезда задерживается. Провожающие не выдержали мороза, нет ни единого человека. Оглушительный капустный хруст снега, нескончаемая цепь вагонов, да справа, за чугунной решёткой редеет чахлый, заброшенный парк, слегка побрызганный малиновым предсумеречным светом.

Повинуясь невесть откуда налетевшим сумасбродным предчувствиям, в мозгу гулом гудит праздник сердца-колокола. Вкручивая каблучки в визжащий наст перрона, идёт он к своему вагону, набрав полную грудь воздуха, без вдоха, без выдоха. Витенька, как всегда, опоздал. Поезд должен был уйти ещё десять минут назад, но либо вокзальные часы врут, либо попросту, на общее счастье, случилась задержка, и, разметнувшись далеко в обе стороны, тёмно-зелёная шеренга вагонов, грязная ещё октябрьской грязью, продолжает мертво стоять на месте, не подозревая, верно, о том, что, в сущности, только его одного и дожидается. Голова и хвост состава потерялись из виду далеко в светлой морозной мгле. За глухими, с зелена стёклами окон, будто через годами отстоянную прозрачность аквариума, поблазнил глубокий взгляд из-под опущенных ресниц, мгновенно поразивший живое живым. Витенька метнулся в сторону аквариумного зазеркалья, полного тёмно-жёлтой воды с подсветкой, где сонными карасями плавали все другие лица: разгадка его вроде необъяснимой жизни вдруг оказалась ужасно близка, – сейчас он поймёт себя по одному только этому лицу, благодаря полноте возникшего внезапно счастья... Но её уже нет, хотя свет случайного взгляда продолжает калиться на сетчатке глаз.

Очень походила на Аньку. Да откуда здесь взяться Аньке? Витенька приехал в городишко на два дня, привёз в военную часть брату-новобранцу два чемодана вещей из дома, и теперь уезжал, довольный свершённой миссией, пустым – в огромном чемодане, который он легко несёт одним пальчиком, лежит только другой, не менее громоздкий, свёрнутый кожаный чемоданище. Здорово ездить налегке! Так что же Анька?

Ничего особенного, просто учатся в одной группе и вместе сидят на лекциях. Как-то на перемене затеяли обычную игру: кто кого пересмотрит не моргнув. Сидели – смотрели всю перемену, а потом ещё и лекцию прихватили. Загипнотизировались. С тех пор часто глядят в глаза друг другу в свободное от учёбы время, и несвободное тоже. У Аньки глаза серые, он их выучил наизусть в подробностях, спроси, всё расскажет, с точностью до количества ресничек. Его уже поднимали преподаватели, устраивали выволочку, что, де, за посмешище здесь устроил? На лекциях надо материал конспектировать, а не... дурью маяться. Не помогает.

Отвернулась? Или просто мираж оконной пыли? Поражённый фантазией не свершившегося, деревянным шагом продолжил свой путь, и снова чей-то взгляд из следующего окна окатил жаром, и всё повторилось, как ныряние в декабрьскую прорубь, полную ледяного крошева. Эти новые глаза – огромные, удивительные, незнакомые. Наверное, он всё же хорош, очень хорош в молодецки расстёгнутом, длинном пальто, с поднятым узким воротником из нерпы. У Витеньки весёлое, чуть порозовевшее на морозе лицо с прямым решительным носом, карие глаза, жёсткие, чёрные, не мальчишечьи усы. Грудь распирает счастье и желание вздохнуть.

Сорвал перчатку, приложился ладонью к чешуйчатой изморози, покрывавшей вагон; невероятное должно произойти немедленно, сейчас же, тут, на месте – слишком много внутри кипящей радости. Запрыгнул в вагон. Тепло как! На всю длину коридора стелется узенькая вишнёво-красная ковровая дорожка с парадными зелёными кантами. Победно отмаршировав по мягкому ворсу до своего купе, не сдерживая улыбки, открыл дверь и легко вошёл. Внутри купе оказалось светло и чисто, как бывает в начале пути в фирменных поездах: салфеточки,

занавески, пол ещё не успел высохнуть после влажной уборки. За стеклом неузнаваемо ярко белеет привокзальный парк, отнюдь не заброшенный, но таинственный, романтично-заснеженный. Сиденья мягкие, со светлой кожаной обивкой, кругом поблёскивает никель, он вдохнул, наконец, чувствуя лёгкий, почти неуловимый и приятный запах духов.

Вот оно и случилось! Уже не вагон это – крошечная гостиная, со своей прекрасной хозяйкой, сидящей на правом от входа сидении, у окна. Чуть-чуть – больница из-за холодности казённого блеска металлических покрытий столика, сидений и стен, с дежурной сестрой милосердия. Почти ослепшему от внешнего белого света, теперь на фоне окна и заснеженного парка ему виден только силуэт головы да лежащая на столике рядом с картонкой билета рука, освещена проглянувшим низким солнцем; на запястье свободно держался тоненький узорный браслет, пальцы длинные с розовым лаком на ногтях и нежной кожей.

Вежливо поздоровался, ощущая, как близка ему мягкая подушечка мизинца, к которой хотелось прикоснуться губами, но тут же необходимость в этом отпала – Витенька вдруг начал быстро срастаться с этой прелестной ручкой, оказавшейся где-то глубоко внутри, возле сердца, где она производила безболезненные манипуляции по освобождению пространства, что-то удивительно приятно трогала, перемещала, сразу сливаясь кровью, срастаясь всё в большей степени с ним и уютно погружаясь в него вместе с мягко льющимися по плечам белокурыми волосами, не подходящим для пути театрально нарядным платьем с великолепно оголённой грудью, мягкой мочкой уха, в котором блеснула золотом паутинка серёжки – внутрь, вглубь, и для всего находилось своё единственное, родное место.

Она так смотрит на него! Витенька обернулся бы, коль не знал, что за спиной нет никого и в купе они вдвоём. Да, ему здорово повезло ехать с такой необыкновенно голубоглазой и белокурой красавицей. Не зря мерещилось! Алла смотрела, как заворожённая. Она всё ещё не верила собственным глазам, даже не поздоровалась на его «здравствуйте», лишь кивнула и чуть рот не открыла от восхищения. ОН! Всё, пришёл. Наконец-то! А если не ОН, то пора в монастырь.

Витенька поставил чемодан, снял шапку и скинул пальто. Под пальто оказался школьный ещё костюм с короткими рукавами, тоненькие дудочки брюк, в таком наряде даже мужские усы не производили впечатления. ОН как-то сразу превратился в худого юношу с торчком стоявшими на спине острыми лопатками. Боже, за что? Лет восемнадцать, не больше. О, как она могла так промахнуться? То ли студентик, то ли вообще школьник. Да какая разница? После всего грандиозного, что с ней только что почти случилось – и не случилось, разобраться в этом недоросле нет ни малейшего желания. Сражена наповал, убита. Но в монастырь всё равно не уйдёт!

Поезд тихо тронулся с места. Маневровые тепловозы, водонапорная башня, обшарпанные склады и километры заборов, потом серенькие пригородные домики, утонувшие в снегах, а если чуть повернуть взгляд, то золотистые живые завитки волос над оголённой шеей, светлое, мягкое лицо, с лёгким сиянием от падающих на страницу книги последних лучей солнца, губы маленькие, свежие, чуть подкрашенные, уголками уходящие в припухлости щёк. Глаза широко открыты, и совсем теперь не голубые, а вроде морской волны с малахитовым отливом, волосы непокорные надо лбом и золотая волна на плечах. Снова – тонкие частые осинки на краю заснеженных оврагов, синие дали, бесконечные столбы и провода, провода, провода. Чудесное голубое платье, на ногах маленькие изящные туфельки. А уж ножки... Он быстро отвёл глаза подальше в сторону.

– Сиротский поезд, – поймав недоуменный вопрос Витеньки, пояснила, – не было провожающих. Совсем не было.

– Холодно.

– Конечно. Но это дела не меняет. Поезд никому не нужных людей, вот угораздило так угораздило. Ведь с таким скоплением несчастливчиков может случиться что угодно, не правда ли?

Вошедшая проводница начала собирать билеты.

– Никто в мороз не поехал, так и провожать не пришли, – тихим голосом обратилась к спутнице в голубом: – В другое купе переходить будете?

– Да, но ближе к ночи. А то скучно совсем одной сидеть, – она улыбнулась Витеньке, как королева пажу.

За чаем выспросила, кто он, где учится, на каком курсе. Витенька всё рассказал, как есть. От её снисходительного тона первоначальное восхищение в нём тоже сбавило градус.

– А вы артистка?

– Почему?

– Одеты так... красиво, и вообще сами... выглядите.

– Нет, я экономист.

– А, понятно.

«Сколько ей может быть лет, если разговаривает с ним, как с маленьким? Но хороша, конечно, ничего не скажешь. Очень красивая девушка двадцати шести лет, а ему всего-то двадцать. Обнаглеть, что ли?»

Узнав, в каких частях служит брат и где работают родители, Алла потеряла к студенту-третьекурснику всяческий интерес. Отвернулась к окну и долго смотрела, как в полутьме быстро, у самого стекла пролетают столбы. Скучно. Витенька тоже решил не наглеть. Слишком красивая взрослая тётенька, ну её. Капитан вылез из своего купе, встал перед их раскрытой дверью, белозубо улыбаясь. «Зубы хорошие, – вздохнула Алла. – Хоть какой-то плюс. – Посмотрела на живот вояки, на погоны. – Лет под сорок, бесхарактерный тюля, подкаблучник, изображает из себя ветреника. Для храбрости уже принял. Ну и чёрт с ним, всё равно терять нечего, пригласит – пойду. Такого отбить можно в два счёта, но если уж уводить от жены, то можно было получше найти. Всё не хотелось. Хотелось своего и по-честному. Да видно, придётся по этой дорожке катиться»

– Пойду посмотрю расписание, когда большие остановки нам предстоят, – сочла нужным оповестить Витеньку, встала и элегантно проскользнула мимо военного.

Не посторонившийся капитан жадно втянул запах духов, сверкнул глазами. Он уже понял, что Витенька человек посторонний, его стесняться нечего. Дамочка выскочила из купе. Началась игра в поддавки? Сейчас проверим. Резво двинул следом. Заговорил прямо в спину, как она хорошо выглядит, и начал перечислять, что именно в ней особенно сильно, до глубины мужской души поражает гусарское воображение. И всё, – больше не отстал. Обратный привёл нежно поддерживая за талию, встали напротив его купе рядом у окна, и капитан говорил не переставая, сыпал шуточки, рассказывал анекдоты.

– Вы, наверное, ракетчик? – спросила девушка с деланным восхищением, – в тайге на командном пункте дежурите, руку на красной кнопке держите?

– Мы? В тайге? Обижаете, мадемуазель. Мы кремлёвские связисты. Видели парад на Красной площади? Вот там и обеспечиваем связь.

Витенька сидел у раскрытой двери, слушал, пока вдруг не услышал:

– А что на ногах стоять, давайте ко мне зайдём, сядем-посидим. Кофе есть с коньячком, лимончик, конфеты, поговорим по душам, вы одна, и я тоже один, как перст... еду, скоротаем вечерок в разговорах на общие темы.

И дверь за ними закрылась. Вот и всё. Как просто. Сначала легко и непринуждённо ему понравилась, а теперь так же просто ушла к толстому вояке. И что таких тьюфяков в армии держат? Живот в китель не влазит. Плечи покатые, глазки бегают, щёки рыхлые, тьфу, смотреть противно. А она пошла. Вот дура. И чего в ней хорошего сам Витенька нашёл? Ну, волосы – да,

просто отпад, ну, глаза – тоже лазурь небесная, ну, личико, пальцы, уши, шея, талия, ножки. Да всё хорошо, – ума нет. Иначе, с чего бы попёрлась? Кофе с коньяком не видала? Долго Витенька ругал соседку про себя, однако и он успокоился. Смирился. Всё равно собиралась перейти на ночь в другое купе, ушла к капитану. Какое ему, Виктору, до шибко красивой тётеньки дело? Ушла и ушла. Баба из купе – мужчине легче.

За окном тьма хоть глаз коли, он раскатал матрац на своей нижней полке, застелил постель, лёг. Полежал. Встал. Нет, лучше забраться на вторую полку, что тут внизу потом будет, его абсолютно не волнует. Перестелил на верхнюю полку, снял брюки, пиджак, оказался в трико и рубашке, влез, улёгся. Он лично спит, а прочие пусть как хотят. Поезд с шумом и грохотом летит и летит в бесконечном пространстве ночи. Блондинка в соседнем купе хохочет и хохочет, прямо заливается над анекдотами связиста. Фу, наконец-то перестала, а он уж боялся, что всю ночь напропалую будет веселиться. Вот теперь нормально, можно спать.

Задремал ненадолго, потом сразу проснулся, сел, соскочил на пол. Бросился натягивать ботинки. За стенкой негромко визжала женщина, будто сдерживая себя. Голос непохож на соседский, однако определённо из капитанского купе. Ещё какую подселили неуравновешенную? А где тогда Алла? Витенька выскочил в коридор, рванул соседнюю дверь и, слегка качнув корпусом вправо – влево – вперёд – назад, мягко вошёл в купе, сделал, пританцовывая, ещё два шага, оказавшись прямо перед кремлёвским связистом.

Зажатая в тёмном углу грузным телом капитана, Алла сверкнула взглядом затравленного животного, а увидев рядом Витеньку, точно напугалась ещё больше, даже визжать перестала.

Правой рукой капитан крепко охватил её талию, а левой вытащил из выреза платья одну штучку, как базарная баба-торговка цыпушку из корзины, и весь тряся, обрадовано смеясь, разминая пальцами. Очень красивый узорный лифчик валялся на столике перед ними, между бутылкой коньяка и тарелочкой с аккуратно нарезанными лимонными дольками. Выражение лица девушки быстро переменялось, появилась жалкая мольба: помоги, если сможешь. Она не была уверена и в Витеньке. Капитан тоже оглянулся. Удивлённо. Это кто здесь?

Открыт полностью со всеми своими болевыми точками, да ещё руки заняты. Можно вырубить сразу, можно заставить помучиться. Но первым делом Витенька коленом блокировал возможный удар ногой снизу, и далее молниеносно, расслабленными пальцами пробежал по глазам, носу, щекам и кадыку вояки. Тот дёрнулся назад, стукнувшись затылком о стену. О, пьяная реакция. Вообще никакой противник. Что, однако, не помешало капитану мгновенно догадаться о неприятностях, его поджидающих в самые ближайшие секунды, – мигом оставил дамские прелести. Не до жиру, быть бы живу, вскинул ладошки вверх к плечам, и расплылся добродушной улыбкой: мы тут ничего, так просто сидим, по-дружески балакаем.

Витенька небрежным кивком головы отодвинул его в сторону, предложил руку даме. Проводил до своего купе, прихватив со стола лифчик. От неё тоже пахло коньяком и лимоном. Откуда-то немедленно возникла проводница, взялась за щёки, сказала грустно: «Ой-ёй-ёй!». Алла опустила растрёпанную голову. Войдя в своё купе, Витенька сразу запрыгнул на вторую полку, лицом к стенке.

– Может, перейдёте в свободное купе? – спросила проводница соболезнуя. – Или к женщинам?

– Спасибо. Мне здесь с... молодым человеком надёжнее будет.

– Понятно. Ну, так даже лучше. Ох, уж эти военные, с ними всегда проблемы, меры-то никакой не знают, напьются до чёртиков и начинают бузить. Молодой человек, вы берите второе одеяло, не беспокойтесь, я к вам селить никого больше не буду.

– Мне и так нормально, – ответил Витенька, не оборачиваясь.

Когда проводница вышла, соседка быстро закрыла дверь на защёлку. Минуты три что-то молча делала стоя, то ли раздевалась, то ли одевалась, потом подняла нижнее сиденье, рылась в своих вещах, потом опустила и, шелестя бумагой, села.

«Книжку читать теперь будет всю ночь? Какая, однако, тяга к просвещению!», – жёлчно думал Витенька. Он не любил спать при свете. Терпел, терпел, повернулся. Прежняя, красиво причёсанная блондинка сидела за столиком, и что-то задумчиво писала на листе. На молчаливый вопрос улыбнулась загадочно и сказала:

– Пишу письмо мужу.

«Оп-па-на!»

– А у вас что, есть муж?

– Не спрашивайте – не совру.

Пышные золотистые волосы чертовски красиво лежат на плечах. Витенька опять почувствовал лёгкое восхищение, вздохнул и отвернулся к стенке.

– Нет у вас мужа, – произнёс он, понимая, что такие вещи нельзя говорить женщинам. – Не было, и никогда не будет.

– Это ещё посмотрим.

Ему показалось, что разбудила она его совсем глубокой ночью. В купе по-прежнему горел свет, Алла стояла одетая в свою блестящую чёрную шубку, смотрела ему в лицо, золотые волосы сногшибательно блистали на пушистом воротнике.

– Вставайте, Виктор, проводите меня.

– Что? Уже приехали?

– Нет, сейчас будет станция, я хочу отправить письмо немедленно.

Жмурясь, Витенька глянул на часы:

– Да уже одиннадцать, никакая почта не работает.

– Глупый, есть же почтовые ящики.

– И что, так срочно надо отправлять?

– Совершенно срочно. Вставайте, Виктор, я же серьёзно говорю.

Он спрыгнул на нижнее сиденье, сунул ноги в ботинки, начал шнуровать.

– Мне неудобно вам напоминать, однако давайте наденем брюки, вы всё-таки с девушкой пойдёте. Я бы и без вас сходила, но боюсь. Одевайтесь, я отвернусь.

Витенька вынужден был снова натянуть костюм, из которого вырос, накинул пальто и открыл дверь. Поезд уже тормозил длинными, крепкими рывками.

– Там холодно, вот ваша шапка и шарф. Давайте помогу, вы спросонки ничего не соображаете.

И начала примерять шапку, будто покупала в магазине, поворачивая его голову в разные стороны, Витеньке было немного стыдно, но приятно. Потом завязала длинный шарф. Он хотел застегнуть пальто, Алла не позволила.

– Так вы очень хороши, не будем застёгиваться, – и пошутила. – Я умираю: такой мужчина!

Она и правда развеселилась, глаза блестели, как у сумасшедшей.

– И вы тоже наденьте шапку, – счёл необходимым напомнить Витенька, – Мороз-то собачий.

– Ничего, обойдусь, – лихо встряхнула волосами, они взлетели в воздух и снова блестящей волной легли на воротник.

– Всё, идёмте!

Схватила под руку и потащила на выход. Проводница открыла дверь, стояла, улыбалась. «Явно благоволит Алле. Почему?» На узком перроне горели яркие фонари, а дальше за ним чистое белое поле сияло алмазами в ночи. Он спрыгнул со ступеньки в пушистый, только что выпавший снег. Через поле светились окна низеньких изб, утопавших по крыши в сугробах. Рядом с Витенькой на платформе оказалась девчонка в валенках, фуфайке, мохнатой шали. Лицо её в тени, но глаза сверкали восхищённым блеском, почти как у Аллы.

– Помоги мне, пожалуйста, милый, – соседка протянула руки, стоя на подножке.

Он легко подхватил её, чувствуя теплоту стройного тела под шубой, мягко опустил с собою рядом.

– Девочка, ты не скажешь нам, где здесь поблизости есть почтовый ящик? – спросила Алла особенным голосом, каким в детских сказках разговаривают феи.

В искрящемся ночном воздухе её лицо выглядело волшебным молодым, волосы неправдоподобно светились на тёмном меху. Как замороженная, боясь расстаться с парочкой глазами, девчонка только на мгновение кивнула в сторону, на столб посреди поля. На верхушке столба висел старомодный фонарь в виде тарелки, очень ярко освещая всё заснеженное поле. А внизу синий почтовый ящик. А вокруг сугробы, и ни тропинки к этому ящику.

«Откуда она знала, что именно на этой остановке будет так? Запросто могло ведь не быть ни фонаря, ни поля, ни девчонки, а лишь какой-нибудь встречный товарняк с цистернами нефти.»

И Витенька побрёл, держа письмо в руке, по пышному свежавывавшему снегу, лёгкому, как тополиный пух, испытывая странное счастье и звон в ушах. Так должно было быть, но когда-нибудь в будущем. Снег сыпался под штанины и сухо щекотал ноги. До ящика метров двадцать. Можно незаметно подсмотреть, узнать адрес, но решил не делать этого. Зачем? Конверт гулко стукнулся о дно совершенно пустого ящика. На нём стояло одно-единственное слово: ТЕБЕ. Витенька повернул обратно. Девчонка сияла, забыв о мокрых рукавичках и замёрзших ногах.

– Милый, ты такой добрый, я так тебя люблю, – Алла зажмурилась и потянулась к нему губами.

Витенька догадался, что весь этот спектакль она устраивает для девчонки, совершив над собой некоторое усилие, подыграл: взял руками холодное, свежее на морозе лицо, осторожно поцеловал губы. Затем помог подняться обратно в вагон, ощущая невероятно близкое тело под шубой, будто она там голая. Поезд тихо двинулся с места. Девчонка ликующе взмахнула варежками, оставшись в счастливом мечтающем прошлом, на краешке серебристого поля, усыянного россыпями драгоценных камней. Проводница гулко задрала металлическую дверь, как люк подводной лодки.

– Ночь на дворе, а ребёнок бегаёт поезда встречает, – недовольным голосом проворчала она. – Тоже ведь добегаётся. И куда только родители смотрят?

Они вернулись в купе. За стенкой сладко храпел капитан, выпивший свой коньяк в одиночку. Витенька быстро скинул пальто с шапкой и шарфом, не церемонясь, – брюки, пиджак, запрыгнул на свою полку, отвернулся к стене и попросил:

– Только свет выключите, ладно?

Свет погас немедленно. В голубоватой темноте без ночника она быстро разделась и юркнула под два одеяла.

Спать не хотелось. В зеркале на двери отражались фонари полустанков, которые поезд проскакивал, не замедляя хода. Снова представилось, как заходит в купе ОН, высокий, стройный, с чёрными усами. А может, опустит ему воротник? Опустила воротник – и снова: вот ОН, стройный, высокий, щёки румяные с мороза... Нет, слишком румяные, чувствуется мальчишка, а ну, вышел, вышел в коридор! Так, щёки посмуглее сделаем, пусть даже лёгкая мужественная щетина будет... Нет. Ещё бомжей мне здесь не хватало! Гладко выбрить, сбрызнуть туалетной водой, так, пошёл... вот заходит, легко опускает огромный чемодан, скидывает пальто... Стоп!!! Куда? Не то... Вернём на исходную позицию... А заступник уже уснул. Сопит, как маленький.

Ей жарко. Накушалась коньяка с капитаном, дура. Сняла одно одеяло, свернула, сделала заслон от окна, чтобы холодом не так несло. Вспомнила, как больно хватался пьяный связист, уже до того набравшийся сверх меры, сделалось ужасно обидно, слёзы навернулись, вот ведь

скотина какая! Вообще убрала с себя одеяло, осталась лежать на простынке. Эй, ну где ОН там? Входите уже. Ой, нет ещё! Минуточку... Этот кружевной лифчик не нужен. Его грубо сдёрнул капитан – сразу и без разговоров, как дешёвый трофей. Сняла и засунула под подушку, закинула руки за голову: вот теперь пусть ОН входит!

У Витеньки замёрзла голова. От окна дуло. Он проснулся, решил перевернуться в сторону двери, а ноги замотать другим одеялом. Перевернулся и вдруг увидел Аллу! В окне замелькали прожектора, их мощный свет, отразившись от зеркала в двери, высветил всю её почти обнажённую фигуру на нижней полке, голову на закинутых руках. Глаза были широко раскрыты и требовательно глядели прямо перед собой! Как только не холодно? Мягко, неслышной белкой-летягой спланировал вниз.

ОН! Пришёл. Наконец-то!

Из купе они вышли по-семейному, под ручку. Виктор нёс один-единственный чемодан, в котором легко уместились вещи Аллы. Лицо проводницы выражало радостную надежду:

– Счастья вам, – пожелала она на прощание.

С вокзала заехали к Алле, в её однокомнатную квартирку, и жаркая купейная ночь продолжилась там, затянувшись на весь день и вечер. Вечером он вспомнил о родителях, позвонил им, сказал, что задержался у друзей в общежитии и что скоро приедет. Алла слушала, как он это говорит, сидя в комнате на кровати. Поняв, что Виктор сейчас уйдёт, начала одеваться.

– Нет, погоди ещё немного, – сказал молодой человек, вернувшись от телефона. – Я потом, позже, съезжу домой, и сегодня же вернусь к тебе.

И опять снял с неё голубое платье. Позже вечером действительно поехал домой.

– Витенька, где ты был? На тебе лица нет! – воскликнула мама в прихожей.

Мама не знала, что нет не только лица. Всего прежнего Витеньки больше не было. И на это смешное обращение он лишь устало усмехнулся. Его тревожило странное чувство, будто отсутствовал здесь лет двадцать, и вот совершенно случайно заехал, а тут всё по-прежнему, и мама всё так же сейчас начнёт уговаривать попробовать варёного мяса, салат и паровые котлеты, которые раньше он не переносил, но которые были, конечно же, полезнее жареных, и заранее бояться, что не станет есть суп, а потому закричит с кухни: «Я уже налила!». Дивясь самому себе, начал рассказывать о поездке, а родители смотрели на странного Витеньку, ничего не понимая. Мама бросилась накрывать стол, его усадили, принялись кормить, по привычке уговаривая попробовать то и это.

Виктор молча смёл первое-второе-третье, потом всё, что было на столе, заглянул в холодильник, не закрывая дверку и не чувствуя вкуса, быстро расправился с варёной свеклой и морковью, приготовленными для завтрашнего винегрета. Пустую тарелку задумчиво вернул обратно на полку, вытащил остатки колбасы, сыра, сметаны, сел за стол и всё съел с хлебом. Испуганные родители принялись в четыре руки мазать бутерброды с маслом, он лопал, словно не замечая, запивал сладким чаем, и при этом смотрел страшно голодными глазами. Когда масло в маслёнке кончилось, сразу сказал правду:

– Я женился сегодня.

Папа вздёрнул брови, а мама так и села на ближний стул.

– На ком? – поинтересовался папа с каким-то нервным смешком.

– На девушке, конечно, – кратко пояснил сынок.

– На Ане? – пришла в себя мама.

– На Алле. И перехожу жить к ней, на днях мы подадим заявление в загс.

– А откуда... А когда ты с ней познакомился?

– Вчера вечером, в поезде. Ну, ладно, мне пора. А то троллейбусы не пойдут, придётся пешком.

– Так ты уйдёшь???

– Конечно, мам, собери по-быстрому вещи в чемодан: носки, трусы, рубашки, ну, всё необходимое.

Мама кинулась собирать вещи. Наконец-то в пришедшем незнакомце она узнала сына. Собираясь Витенька по-прежнему не умел.

– Я завтра же позвоню, – сказал он, выходя из квартиры и здорово согнувшись под тяжестью чемодана.

– Сегодня! – грозно потребовал папа. – Как приедешь, чтобы сразу позвонил, а то ведь я сам позвоню! И поговорю серьёзно!

Телефон они всё же с него стробовали, но больше ничего. Следующими, кому довелось ощутить изменения, произошедшие в Витеньке, оказались партнеры на занятиях в спортивной секции. Здесь он имел легкомысленную кличку «Танцор», ибо бойцом был техничным, это признавали все, но при работе на полном контакте летал битой грушей, многократно оттачивая технику падений. А тут буквально за какие-нибудь полгода всем вдруг стало с ним трудно. Прозвище видоизменилось, Витенька сделался «Танцующим носорогом». Пришлось тренеру взять его в спарринг-партнёры, и уже у него для напарника от двух слов осталось только одно, просто «Носорог», под этим именем Виктор и вошёл в анналы местного каратэ. А в учёбе всё осталось по-прежнему, лишь перестал играть в гляделки с Анькой, но как учился на тройки с четвёрками, так и продолжил это несложное дело. Через два месяца состоялась свадьба. Витенька настолько внешне переменялся, что родители с трудом признавали своего мальчика в весьма крепком серьёзном парне, когда тот забегал в гости «чего-нибудь перекусить». Витенька страшно много ел («Она его не кормит!», – возмущалась мама), кажется, ещё вырос и уж точно раздался в плечах. Откуда ни возьмись появился мощный торс и грубоватый мужской голос, лицо стало твёрже, смуглее, исчезли ямочки и румянец. Совсем взрослый мужчина. Даже Алле слегка не по себе сознавать, как за столь короткий срок ОН выполнил практически все её фантазии того милого вечера, когда лежала на нижней полке вагонного купе полуголая и гоняла его туда-сюда, перекраивая на ходу под себя. Теперь никто не мог сказать, что она старше Виктора почти на десять лет. Он выглядел на двадцать шесть, она на двадцать пять. (Уже пятый год подряд.) И всё чудесно!

Свадьба состоялась в лучшем ресторане города. Невеста затмила окружающий мир невероятной, сказочной красотой. Родители уже знали её настоящий возраст и боялись худшего – явного позора, а она оказалась голубоглазой златовласой принцессой, куда там всем мисс мира вместе взятым, и папа первым мгновенно уяснил суть дела: хлопнул Виктора по плечу и подмигнул: молодец, знай наших! Мама как бы тоже слегка вышла из комы, но предпочла сохранить на протяжении свадьбы скорбный вид, впрочем, скорее по привычке. Да и как, скажите, с такими-то кругами под глазами, после затяжного непрерывного двухмесячного плача, сразу удариться в веселье?

Невеста понравилась обоим. Но что за свадьба без драки? Да ещё такая многочисленная и разношёрстная: с двухсторонней немалой роднёй, студентами, спортсменами и коллегами. Была приглашена вся студенческая группа Виктора, все и пришли, кроме Аньки. Когда толпа вовсю танцевала, а простой народ уже перестал отличать жениха от шафера, к Виктору подошёл хромоватый официант с простодушным рязанским лицом. Вежливо склонился к уху, переорал музыку: «Вас ждут в дамском туалете!». Этот официант исполнял какие-то вспомогательные функции помощника тамады или что-то в этом роде, и буквально только что принимал самое активное участие в воровстве невесты, которую Виктору всё же удалось вернуть – с большим уроном для чужих боков, всего за сто рублей и бутылку шампанского. И теперь он взглянул на простецкое лицо официанта с подозрением.

– Кто ждёт?

Хромой приложил ладонь к его уху так, чтобы звук не ушёл в сторону Аллы, и сообщил подробности:

– Вас ожидает дама, не беспокойтесь, я провожу!

– Если опять провокация, вторую ногу сломаю, – щедро пообещал Виктор, но всё же встал, сказал Алле: – Отойду буквально на секунду, не исчезай, ладно?

После чего отправился за хромым в дамский туалет.

Показывая, что работает на высшем организационном уровне, официант повесил на двери табличку: «Закрывается по техническим причинам», и выпрямился рядом на часах.

Виктор вошёл, увидел Аньку, стоявшую возле раковины и глядевшую на себя в зеркало, обрадовался ей:

– О, пришла, молодец! А я подумал – неровён час, обиделась на что-нибудь, пойдём, там места есть.

Но Анька только смотрела исподлобья и молчала. Сегодня Витенька почему-то не выдержал её взгляда. Опустил глаза на белый кафельный пол.

– Предал, да? – взялась она за гладкие лацканы новенького свадебного пиджака, безбоязненно комкая их в кулачки.

– Кого? – удивился он, осторожно перехватив её руки.

– Любовь нашу! – воскликнула Анька, вырвала свой правый локоть, и с треском вклепила пощёчину.

Тут в туалет прорвались сразу несколько страждущих женщин, хромоногий переоценил свои возможности по сдерживанию дамского напора, Анька зарыдала, а он вышел вон, горя неравномерным румянцем. Прямо перед ним стояла невеста в белом, с удивлением разглядывая жениха, разгневанно покидавшего женский туалет. Хромоногий официант поспешно ретировался к гардеробу.

– Своей смертью ты не умрёшь! – предрёк ему вослед Виктор, и пояснил Алле: – Да так, очередной розыгрыш устроили, пойдём за стол к гостям.

За столом опять кричали «Горько!».

Через семь месяцев после свадьбы родилась ОНА. Алла долгое время не доверяла своему счастью, относилась ко всему с лёгкой усмешкой, боялась сурочить, не желая привыкнуть к хорошему, снова потерять и страдать, но после того, как это свершилось, отступить было некуда. У неё был ОН и ОНА, а сама она – красивейшая женщина на земле, любимая мужем, всеми родственниками, и от того очень счастливая. Даже свекровка и та потеряла голову от счастья, готова была выполнить любое её желание, лишь бы дали поводить с внучкой. Внучка была нарасхват.

Виктор окончил институт ни шатко, ни валко, два последних года подрабатывая на стройке. Зато дела на работе, куда он пришёл с новеньким дипломом, пошли очень хорошо, и в двадцать пять лет стал главным инженером строительно-монтажного управления, имея в активе не только медвежий бас вкупе с внушительной внешностью, но и способность управлять сотней людей так, чтобы абсолютное большинство их считали его не «парнем, что надо», а «мужиком, каких мало». Таким его создала Алла. Понимая это, он был ей благодарен, что избежал обычного периода разброда и шатаний, колебаний, поисков себя, неуверенности в своих силах. У него есть семья, две девушки, с которыми ему замечательно живётся, и для них он сделает всё необходимое, и даже в десять раз больше требуемого! Пусть никто не сомневается! А никто в нём и не сомневался.

Семейное счастье длилось долго, очень долго – пока ей не исполнилось тридцать семь, а Виктору двадцать семь. Он к этому времени стал уже настоящим руководителем и входил в узкий круг серьёзных мужчин города вполне самостоятельной фигурой. Начиная с их свадьбы и по сей день муж всегда выглядел немного старше её, чуть-чуть, буквально самую малость, это было очень удобно, и никаких вопросов у знакомых даже не возникало, как однажды грянул гром среди ясного неба: она вдруг ощутила, что заметно постарела по сравнению с ним. Внезапно, как бы ни с чего. Это она-то, так следящая за собой? Алла ничего не могла понять.

Неужели – всё? Но почему? Да нет, не может быть, самые-самые годы пришли! Она умножила свои старания по омоложению лица, сначала терапевтическими мерами, без счёту бросая деньги на кремы, маски, массажи, потом настала пора микрохирургии: убрала морщинки у глаз, на шее, сделала подтяжку. Всё возможное и невозможное свершила, что от неё зависело, с единственной целью: остаться милой, любимой и единственной, пока не поняла, что дело, оказывается, вовсе и не в ней.

Это не она старела, это он вдруг начал катастрофически молодеть! Первый раз Алла заметила невероятное совершенно случайно, потому что произошло оно прямо у неё на глазах. Вечером Виктор говорил с кем-то по телефону, и вдруг расхохотался непривычно звонким мальчишеским голоском. Алла бросила удивлённый взгляд – и заметила, что не только голос изменился у мужа, но и ямочки на щеках вынырнули, и глаза блестят не привычной деловой сталью, а задорной весенней лужицей. Виктор поймал изучающий супружеский взгляд, бурно залился краской. Покраснел, как девушка на выданье от неловкого слова. Это он-то? Который даже в гневе всегда умел сохранить лицо? Она всё поняла и не стала ничего выяснять. Зачем? Бесполезно. Каким всеобъемлющим было счастье, настолько точно предreshён его близкий конец. Зря надеялась, что бог по доброте душевной перевыполнил давнюю её отчаянную мольбу, снизошёл к неуверенной дурочке, а оказалось, что всевышний тоже действует строго в рамках договора, давая не меньше, но и не больше прошенного, а значит, ей наперёд теперь известно: он уйдёт.

Да, это был уже не ОН, а просто муж, он. Алла перестала летать на крыльях и начала ждать развязки. Но ещё три года Виктор медленно и верно молодец, а она жила осторожно, боясь неловким движением разрушить воздушный замок, оставшийся без фундамента, пока в один ужасный день брак сам собою не рухнул. Ей было уже сорок, ему тридцать, они прожили вместе десять лет. Он ушёл к своей бывшей однокурснице, сказав, что первая любовь не стареет. Какая такая любовь? Где она была столько-то лет? Муж промолчал. Так молча и ушёл. После этого мать с отцом отказались разговаривать с ним даже по телефону, трубка передавалась брату или падала на рычаг, но что его по-настоящему угнетало – это появившееся во взгляде дочери выражение, сродни тому, какое было у Аллы, притиснутой в углу капитаном. Перед ней, единственной он чувствовал себя навсегда виноватым, однако изменить ничего уже было нельзя.

А на самом деле всё произошло случайно. Виктор заметил Аньку в длинной очереди к соседней кассе в универсаме, точнее, сначала почувствовал на щеке обжигающий серый взгляд, повернулся и увидел её. Смотрел, смотрел – нет, не поворачивается. Так и не пожелала. Глупая девушка, однокашники же, такое знакомство глупо не поддерживать, когда-нибудь и он бы ей обязательно пригодился. Для своих ребят Виктор ничего не пожалеет, всем поможет. Вот, кстати, её бывшему мужу, их же однокласснику, уже помогал. И здороваются они всегда за руку, и даже пару раз гуляли в общих компаниях, какие могут быть претензии между своими людьми? А эта нос воротит. Ну и чёрт с тобой! Расплатился в кассе, быстро выскочил на улицу, сел в машину, и тут на крыльце образовалась Анька с двумя сумками в руках. Ищущим взором обшарила толпу прохожих, ничего не нашла, и потащилась на автобусную остановку. Да, хорошая мысль приходит опосля. Желаем приятного пути! Поздоровалась бы – подвёз бы обязательно. А так – нет, не станет даже окликать, не в его правилах. Аккуратно развернулся и уехал. Но независимо от того, что думал, предпринял действия совершенно в ином направлении: вдруг со всем своим организаторским талантом взялся за проведение вечера встречи на пятилетие окончания института. Создал оргкомиссию, бесплатно предоставил помещение ведомственного кафе, влупил кучу собственных денег, чтобы сделать взносы участников чисто символическими. Анька жила со своими родителями-пенсионерами, работала на мелкой технической должности.

Оргкомиссия пригласила на вечер встречи всех без исключения, разослав именные открытки, кроме того, сделали объявление в газете, по радио и на телевидении. Все были поставлены в известность, почти все пришли, в том числе и Анька. Стол получился отменным, культурно-развлекательная программа – как на студенческом капустнике. Виктор решил за вечер выпить один бокал красного вина, но потихоньку, чокаясь со всеми. Когда очередь дошла до Аньки, бокал оказался пуст.

– Как всегда, – сказала Анька, – на меня тебя никогда не хватает.

Виктор посмотрел ей в глаза и усмехнулся – её бывший муж тоже был на встрече, с ним Виктор уже чокнулся.

– Да, не получается у нас с тобой напиться как следует, давай хоть поговорим, что ли!

Они присели в сторонке, народ уже вовсю танцевал, Виктор посмотрел ей в глаза и затих. Количество ресничек стало меньше, а может, это из-за того, что она гуще их теперь мажет?

Оставшийся вечер так и просидели молча на отшибе от веселья, на приём к нему пытались пробиться раздухарившиеся однокашники, но два члена оргкомиссии пресекали эти попытки в корне, ненавязчиво охраняя уединённость. Что касается бывшего мужа, тот уехал раньше всех, что-то заторопился, видно, дела. А они ушли последними. Как организатор он решал необходимые вопросы по уборке помещения приглашёнными сотрудниками, и отвез её домой на служебной машине. На прощание они ещё минут пятнадцать постояли – смотрели друг на друга возле её дверей. Молча. Потом шофёр тоже молча отвёз его, встревоженного и смущённого, домой.

Жене Виктор ничего не сказал. Что говорить? Слов не было, один долгий взгляд продолжительностью в целый вечер. Только вот как-то не по себе. С чего бы это? Он чувствовал глупую неуверенность, какую сто лет уже не ощущал. Два дня пребывал в задумчивости, на третий позвонил Аньке и предложил встретиться. Она отказалась. Виктор не настаивал. Всё правильно, так и надо. Но к пяти часам поехал встречать её с работы, опять посидели молча в кафе, потом гуляли, как школьники, в запущенном старом парке на окраине города мимо разломанных скамеек. Оба имели вид несколько потерянный и были явно недовольны тем, что с ними происходит. Небось не маленькие, предчувствовали, каким боком всё потом выйдет. Но поздно, поздно размышлять бездумным головам, когда две руки давно нашли, стиснули друг друга, обнялись крепко, неразлучно.

На следующий день и головы так закружились, что пришлось срочно снимать квартиру. На три года стали тайными, даже сверх тайными любовниками. Меняли явки, конспиративные квартиры, иногда дело доходило просто до смешного: встречались среди бела дня на улице на пять минут – просто посмотреть друг на друга и разойтись. Наступила ужасная жизнь. Поразительно радостная и дико плохая, нестерпимая для всех троих. В конце концов он всё-таки ушёл к Аньке. Точнее говоря, они сняли очередную квартиру и стали жить вместе. Впрочем, квартирный вопрос его совершенно не занимал. Ему предложили возглавить очень крупную стройку, и он согласился. Что им с Анькой квартира? Тьфу. Будет. И ещё не одна.

Новая секретарша начальника управления Верочка прибежала с утра в канцелярию забрать почту.

– Наш начальник такой весёлый мужчина, – сказала она Матильде Афанасьевне, – представляете, вчера сделала опечатку в одном документе, так он минут десять над ней хохотал не переставая, а потом подарил мне орфографический словарь, и даже подписал его: «Секретарше – от шефа. Больше, Верочка, меня так не смешите!». Вы слышали, он женится на молодой? Как романтично...

Матильда Афанасьевна, почётная пенсионерка организации с седой лошадиной чёлкой и седыми усами под вдумчивым носом пережила на своём месте четырёх начальников управления, и даже не улыбнулась с утра жизнерадостной секретарше.

– А ты знаешь, сколько было твоему шефу, когда он женился на прежней жене? – спросила она сощурившись.

– Нет, а сколько?

– Двадцать. Женился студентом на тридцатилетней женщине.

– Боже мой! Неужели правда?

– А знаешь, сколько ему сейчас лет?

Верочка потупилась. Она знала, но не хотела выдавать производственную тайну. Матильде Афанасьевне шестьдесят два, ей на тайны плевать.

– Ему сейчас тридцать, и он снова женится на тридцатилетней!

– Как интересно...

– А знаешь, на ком он женится, когда ему будет под сорок?

– Ну, что вы такое, Матильда Афанасьевна, говорите?

– Если не будешь делать орфографических ошибок, увидишь, голубушка, сама – снова на тридцатилетней, у него явный бзик на тридцатилеток. Кстати, тебе, Верочка, сейчас сколько?

– Ну, двадцать.

– Тогда открываются блестящие перспективы. Учи орфографию – и вперёд, дерзай!

Ох и язва эта Матильда Афанасьевна!

ВАЛЕРЬЯНОВЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК

Немигающие, огромные, жёлто-зелёные глаза прямо перед лицом, от них некуда деться. Такой сон в детстве снился не раз и не два. Родители легко объяснили причину, оказалось, когда был Тёма ещё совсем маленьким, повадилась кошка Мурка в детской кроватке отдыхать, на груди спящего младенца: её уберут, она обратно запрыгнет – натурально с ума свихнулась. Устроится на спящем, лапки под себя подожмёт, и сидит, в лицо смотрит, не шелохнётся.

– Это она за дыханием следила, принимая нос за мышьи норки, мышку караулила, – высказывала предположение мама, желающая всё всегда объяснить до конца.

– Не знаю, что думала своей кошачьей головой, а делать ей в детской кроватке нечего», – довольно хмуро комментировал отец.

Мать рассказала и про то, как однажды в раннее воскресное утро отец взял да отвёз не поддававшуюся никаким увещаниям Мурку на трамвае до конечной остановки, выпустил гулять в пригородной лесопарковой зоне, а сам вернулся обратно на том же трамвае. Мурки не было два дня, на третий объявилась – нашла кошачьим чутьём дорогу и прямым ходом – в Артёмкину кроватку. Тут за дело пришлось взяться ей самой. Усадила любимицу в корзину и отвезла на автобусе в деревню, где отдала кому-то делом заниматься – мышей ловить. Из деревни Мурка не вернулась: слишком далеко, а скорее всего, понравилось ей жить на новом месте.

Кошку Мурку Артём со временем забыл совершенно, только близкие жёлто-зелёные глаза, выпуклые, словно бы стеклянные в своей глубокой прозрачности, врезались в память отдельно, сами по себе, знаком непонятной угрозы. Висели, к примеру, в доме над столом часы-ходики с небольшим маятником, гирьками, нарисованной на циферблате кошачьей мордочкой, вполне симпатичной и вырезанными на месте глаз отверстиями. Когда маятник качался туда-сюда, с такой же скоростью глаза мелькали в этих отверстиях туда-сюда, туда-сюда. Загляделся на часы четырёхлетний Артём, долго – долго смотрел да вдруг как заревёт! Пришлось родителям убрать и ходики с мордочкой. Данный факт собственной биографии зафиксирован уже без подсказок старших, вызывая лёгкое подобие стыда: как-никак мужчина, реветь которому в любом возрасте не полагается. Других проблем до школы не возникало. Просто не держали дома ни кошек, ни собак. Позднее, когда появились школьные друзья, выяснился неожиданный феномен: стоило ему прийти в гости к однокласснику, в квартире которого имелась кошка, та немедленно, прямо с порога начинала ластиться к Артёму, тереться спиной, впрыгивать на колени, в глаза заглядывать, мурлыкая и сколько не отпихивай исподтишка, не отталкивай, не давай щелчков по носу, ничего не помогает: лезет и лезет, будто валерьянки обнюхалась или от него запах валериановый чует и потому явно не в своей тарелке.

Если к знакомым или родне на праздник всем семейством идут, та же история: мигом дуреет кот и давай о его праздничные брюки со стрелками бока чесать, шерсть линючую обтирать. Хоть не ходи в кошачьи дома, весь с головы до пят будешь в шерсти да волосах. Люди, чьи домашние питомцы выказывали Артему искреннее расположение, видя такое дело, с радостной улыбкой торопились сообщить, что их кошка всегда узнаёт хорошего человека, к плохому ни за что не идёт, мол, кошка такая у них мудрая.

Встречались иногда на жизненном пути Артёма Евгеньевича граждане, к которым тоже коты лезли напролом, как к нему, но те – ничего, даже откровенно радовались этому обстоятельству, играли с ними, оказывали встречную любовь, ничуть не тяготясь привязанностью постороннего домашнего животного. А у Евгеньевича с детства в мозговых извилинах застряли неподвижные глаза Мурки, потом вовсе аллергия разыгралась. Задыхается от одного запаха. Нет, не любит Артём в кошачьем обществе находиться. Дурно ему: в носу чешется, горло пер-

шит, будто красного перца подсыпали, глаза слезятся, чихать начинает. Никакие лекарства не помогают.

Жениться со своей кошачьей аллергией Артём Евгеньевич долго не мог. Впрочем, начало было, как всегда, чудесным. Встречались они с Любашей почти ежедневно недель семь, не меньше. Очень девушка Артёму нравилась. Каждый вечер то в кино идут, то в театр, а потом её домой провожает пешком, разговаривая обо всём на свете, и таким сладким был поцелуй при расставании, что голова кружилась оставшуюся часть ночь медленно и плавно. Очень-очень приятно. Утром встанет, а пол ровно палуба в кругосветке так и плывёт под ногами от непрекращающегося радостного кружения. И вот пригласила Любаша молодого человека к себе домой, как полагается, с родителями знакомиться. А он про себя решил сразу прийти с цветами, дорогими подарками для всех членов семейства – просить руки и сердца. Пора жениться, чувствует, что пора. «Сделаю предложение», – решил серьёзно. Донельзя счастливый, наглаженный, надушенный, с новым платочком в кармане нового костюма, направился в гости к любимой девушке, как самый настоящий жених. Нравится ему Любаша настолько сильно, что невозможным казалось более выдержать отдельное существование, смерти подобно самой страшной любое промедление в этом вопросе, словно сжигание на медленном огне заживо.

Летит в гости Артём, себя не помня от радости, от восхищения, от предчувствия невиданного в мире счастья быть вместе всегда. А там ждут его давно, двери раньше звонка распахнулись, вот и маменька будущая приглашает заходить, чувствовать себя как дома, потому что «у нас все свои сегодня» (имеется в виду, что и он тоже свой, самый свой среди своих). Папенька в необъятных брюках на широких подтяжках, праздничной белой рубашке расплылся в улыбке, того и гляди нижняя половина головы отвалится, младший братец конечно выдал: «Тили-тили-тесто, жених и невеста!», явно в кармане кнопки прячет, двоечник, на стул жениху подкладывать собрался, да это всё ерунда, сами с усами, знаем ваши фокусы. Хлоп его по карману, ась? Колюче, брат? Ничего, до свадьбы заживёт!

Началась самая настоящая общесемейная радость: от одного только вида дорогого гостя у присутствующих на лицах проступило горячее воодушевление, наперебой торопятся выказать ему расположение. Даже уколотый собственными кнопками братец Любаши, и тот, тащит альбом показывать, какой замечательный фрегат он нарисовал: «Хотите, подарю?». Дедушка рассказывает смешную историю про чай во фронтовом блиндаже из трофейного самовара с немецким эрзац-мёдом вприкуску из-за которого здорово угорели: комбат скончался на месте, их откачали. «Эй, раз праздник сегодня у нас большой, тащите трофейный самовар на стол, я его мигом раскочегарю, мёд подавайте тоже! Не бойся, молодой человек, а Артём... не бойся Артёмка, мёд свой, натуральный, развёл пасеку на пять ульев. Свой медок, немного, а есть, главное – настоящий. Настоящего много не бывает, это у них много эрзацев всяких навывдумывали, а у нас своё – натуральное».

Папахен свойски хлопнул по плечу: «Люблю интеллигентных людей, какой вуз окончили?». А меж ног честной компании волчком крутится кот белой масти, шустро обо всех трётся, аж искры летят, электризует, стало быть, семейство дополнительной энергией, заражает флюидами кошачьими, отчего семейство прямо кругами вокруг Евгеньевича ходит, то направо, то налево, хором что-то рассказывают, гладят, обнимают, берегут.

Понял Артём: кот их завёл на радость особенную, он организатор и вдохновитель честной компании, вроде и повадки у членов благородного семейства сделались кошачьими, взгляды вмиг пожелтели, зрачки поперёк, у мальчика с альбомом и кнопками особенно. У дедушки, у мамы-папы и даже Любаши одна история. Тошно сделалось Артёму, оборвалось внутри счастье, рухнуло в тартарары: сухо запершило горло, в носу зачесалось, засвербило, чихнул раз – другой, ну, всё, сейчас расчихается, потом глотка распухнет, как бывало не раз и не два, тело обездвижится, и сможет он только лежать тихо-тихо, а больше ничего. Лежать не шевелясь пластом, глядеть в потолок, а воздух через малюсенькую дырочку в распухом горле будет

поступать слабой струйкой, еле-еле поддерживая жизнь. Чёртовы кошары! Бежать надо. Драпать, пока не поздно!

– Посмотрите, как Василий гостю-то рад, – воскликнула мамахен, – он только к хорошим людям так ластится, ой, смотрите, даже на руки просится. Вы не стесняйтесь, берите, мы ему в ванной лапки с мылом моем после каждой прогулки.

С каменным выражением Артём взял кота на руки, погладил, кот захрипел от счастья. Будущая родня хором завопила, полезла гладить розовый живот руководителя торжества, раскинувшегося на руках Артёма.

– Фон-барон пятнадцатый! – воскликнул папахен, – посмотрите какая роскошная шуба, мы его на выставку носили, честное слово!

Меж тем всё окружающее, включая Любашу, сделалось Артёму не в радость, будто не свадьбу он затевает, а скандальный развод через суд с делёжкой пяти стульев, шифоньера, дивана и двоих разнополых детей. Улыбка приобрела характер явной фальшивки, с такими улыбочками провинциалы столичных невест на бордаж берут, разительно изменился молодой человек – родители даже переглянулись между собой, подумали: что-то здесь не чисто.

Прошёл в комнату, куда приглашали наперебой, только зачем? Ни к чему уже всё, ни к чему. Встал, будто кол проглотил, и морщится-то, и принохивается, и мнётся, кота-старейшину погладить по-настоящему, с любовью да воодушевлением не подумал даже, с рук опустил, точно сбросил, по брюкам колотит изо всех сил, совершенно невпопад на расспросы отвечает, так что Любаше даже неловко сделалось перед родителями. В конце концов, уселся таки на кнопку младшего братца-двоечника, после чего уже определённо три литра кислоты на физиономию вылилось. И всё брючки свои отряхивает от воображаемых шерстинок. Ну, фрукт попался! Где Любаша откопала такую картофелину?

– Да вы не беспокойтесь, – хмыкнула мамахен, – у нас блох нет.

– М-да? – сквозь зубы процедил женишок, окончательно отворотив физиономию от невесты и благожелательно настроенного кота (последнего из семьи несмотря ни на что хранящему к нему самое любовное расположение).

Запрыгнул Василий на колени, хвост задрал прямо в нос Артёма Евгеньевича да принялся от наслаждения лапками перебирать, коготки выпуская, громко-громко мурлыкать. Гость мигом скинул его небрежно тыльной стороной ладони, будто не заметив, после чего вспомнил, что ему надо срочно куда-то спешить по делам, встал и отправился в прихожую, не отведав чудесного обеда, над которым Любаша с маменькой трудились со вчерашнего вечера, чего только не испекли, не потушили и не нажарили! Впрочем, никто странного уха-жёра удерживать даже не думал. Как говорится: была бы честь предложена. Не состоявшаяся невеста проводить не удосужилась: что-то сильно не в порядке оказалось с приглянувшимся, было, человеком. Ну его, пусть бежит куда хочет по своим срочным делам. Обойдётся.

«Больше сюда ни ногой!», – думал Артём, закрыв дверь, отрезая от себя крепко настоящий кошачий запах, спасаясь от близкого приступа. И точно, ни ногой. Так вот отношения с Любашей и окончились нечем к всеобщему разочарованию: даже на улице перестали встречаться и совместные походы во все места культурного досуга сами собой прекратились. И надо сказать, в последующем не раз и не два подобная закавыка случалась, разумеется, с небольшими вариациями, он даже призадумываться начал: что за напасть? Действительно, годы-то идут. Ну ладно, кошки к нему с детства льнут, это можно, наверное, даже с научной точки зрения как-нибудь объяснить, пахнет, к примеру, от него чем-то сродни валерьянке. Человеку не слышно, а чуткие кошки реагируют и сходят с ума от любви. Бог с ними.

Понятно так же почему ему кошки неприятны – напугала в раннем детстве Мурка, чуть не приспала, зараза, младенца. Но почему, скажите на милость, при всём при том, ему всякий раз нравятся девушки – любительницы кошек? Совершенно поразительный феномен. Хоть бы раз на собачницу запал! Или просто без животных чтобы девушка жила дома – вот бы здорово!

Не случилось таковых в истории его жизни. Не попадались. Не влюблялся. Себя ведь тоже не заставишь. Втюрился в очередную кошатницу, потом начинаются разборки, а за любимую кошку девушка кавалеру глаза в два счёта выцарапает. Неужели кошары ухитряются настраивать своих домашних девушек влюбить в себя валерианового человечка, привести, заполучить для кошачьего счастья? Неужели кошки правят их человеческой жизнью? Нет, лучше холостым остаться, нежели угодить в кошачью семейку. С подобными размышлениями и аллергией, действительно, приходилось жить ему безотрадно холостякуя, хотя по природе был Артём человеком общительным и даже влюбчивым, то есть к девушкам весьма предрасположен, чего ни коим образом от них не скрывал. И вот лет этак в тридцать с гаком влюбился настолько умопомрачительно, что презрел наличие у дамы сердца кошки (куда без них, сволочей?) да не одной, а сразу двух сиамских котов, по всем нынешним канонам моды кастрированных во младенчестве.

Представляете силу зрелого чувства? Любимой женщине, ради которой Евгеньевич смог пересилить болезнь и отринуть глупые подозрения о всемирном кошачьем заговоре, было тоже слегка за тридцать, замуж сходилась и ребёнок есть, потому, как не уговаривал к нему переехать, ни в какую не согласилась, дескать, с ребёнком неудобно приличной женщине к мужчине жить идти, что люди скажут? Пусть лучше мужчина к ним в семью вольётся, ему терять всё равно уже нечего. Пришлось Артёму Евгеньевичу пойти к сиамским котам примаком. Охота пуще неволи. Возлюбленная уговорила на сей шаг: «Сиамцы – они же короткошёрстные, практически не линяют», – и так загипнотизировала красотой, что точно, находясь у неё в гостях ни разу не испытал приступа, да и коты к нему особенно не лезли, дама их выдрессировала на манер собачек знать своё место.

В один прекрасный день, то была пятница, он запомнил навсегда, после трудового дня перебрался Артём Евгеньевич с вещичками на новое место жительства. Впереди маяком светили два счастливейших в жизни дня. Регистрироваться пока не стали. Рассудили по-взрослому: попробуем жить вместе, получится, тогда видно будет. Даже знакомым ничего не сказали, никакого свадебного мероприятия не организовали, то есть действовали очень осторожно и он и она: как бы не сглазить.

Близости меж ними до той поры не было. И вот настала первая совместная ночь. Надо сказать в знакомстве они состояли достаточно продолжительное время, месяца четыре: танцевали в ресторане несколько раз и просто обнимались во время прогулок страстно, то есть давно и сильно желали один другого. Неприлично? Светла, светла с ума женщина холостого мужчину, какие могут быть приличия? Не до приличий, собственно одни неприличия в голове и остались, а больше ничего – шаром покати. Потому оставшись вечером наедине в комнате, когда ребёнок в другой абсолютно точно уснул, набросились друг на друга со вполне зрелым и выстраданным желанием.

Благо все условия для пиршества плоти были приготовлены заботливой женской рукой: кровать двуспальная огромная застелена чистейшим красивым бельём, распахнута и приглашала: сомни меня! к удовольствиям так же призывала интимная полутьма с ночником, на столике пара бокалов с вином, в которых таились огоньки – отсветы того же ночника. Не притронувшись к вину, молча, но чуть не вопя от восхищения Артём разоблачил подругу, отнёс в постель как пушинку, не чувствуя веса и настала-таки пора бурной страсти, несдерживаемая более никакими внешними препонами да условностями. Которая, однако, продолжалась весьма недолго.

Случилось тут нечто, от чего Артём Евгеньевич сбежал от подзаконной невесты, френд-умен по нашему, не дотянув до рассвета. Практически в начале ночи. Как не упрашивала любимая женщина подождать хоть чуть-чуть, побыть с ней, ну полежать просто так, обнявшись, или пойти на кухню, посидеть, попить вина, да хоть кофе с тортом. Нет, драпанул согласно печальному правилу своему и отсюда: не до жиру, быть бы живу. Произошло неопи-

сумое никакими школьными учебниками зоологии событие, потому оказались они к нему не готовыми. Во время человеческого любовного экстаза пришли сиа́мские коты-кастраты в жуткое волнение, забыли курс хозяйской дрессировки, ворвались откуда-то в спальню да принялись носиться друг за другом по всевозможным траекториям, включая потолочные, прыгать на кровать к молодожёнам, осатанело разрывая когтями чистейшее приятно пахнущее бельё, кидаться на стены, полосуя обои на ленты, биться о мебель ракетами, опрокидывать цветочные горшки, словно мстя за отнятую у них навсегда возможность любить и быть любимыми, что возложена на кошачью братию природой даже в большей степени, чем на человеческую.

Сделалась комната ареной сражения одичавших, буйно-помешанных животных. Женщина не обращала внимания на их происки, ей было не до того. Новоявленный полумуж-полулюбовник ощутил вперёд злую тоску – предвестницу приступа, задышал тяжело, хрипло, с посвистом, чувствуя как сужается глотка, быстренько собрался и утёк к себе домой подобру по здорову, как ни взывала к нему, вытирая слёзы, несчастная женщина остаться, не уходить, не оставлять её одну в трагический момент.

Драпанул самым подлым образом. Невозможно стать брачным человеком при подобном жизненном раскладе, не-воз-мож-но. Подруга звонила и приходила к нему ещё пару раз, уговаривала вернуться, предлагала запира́ть котов на ночь на кухне (а чай где пить?) тогда в ванной, но и ванная местами нужна бывает по ночам, ладно-ладно, тогда вызовет мастера и тот поставит в дверь спальни замок.

Артём Евгеньевич прекрасно понимал, что из этого ровным счётом ничего не выйдет, обязательно кошачья война ночная случится снова: ворвутся сиа́мцы, устроят погром, где им заблагорассудится, и обязательно погибнут в огне этой войны и ванная и кухня и комната ребёнка, как погибла прошлый раз спальня. Перейти жить к нему без котов она не могла – это ясно было по лицу, в связи с чем не стал даже предлагать нарушить жизненную аксиому. В свою очередь бессмысленно рассказывать свою историю, объяснять, что не случайно коты взбесились при его появлении на её ложе, в виду полной бесперспективности дальнейшей совместной жизни.

Если разбирать семейную ситуацию по аналогии с шахматной, то согласно силе фигур, женщине её кошка дороже половинки мужчины, а две кошки значат более, чем муж. Отсюда следует: просить выкинуть котов бесполезно. Ради ребёнка ещё может пойти на преступление, для мужа – нет. Но и муж ради жены, сколько бы пустоты у него в голове не было, не будет терпеть неистовых ночных кошачьих плясок, коли наградил бог слабым здоровьем. Значит, разошлись пути-дороги, остался Евгеньевич старым холостяком, как говорится, при собственных интересах: своей нелюбви к кошкам за их шерсть, и их любви к нему неизвестно за что.

Жил себе – поживал в двухкомнатной квартире, добра наживал и попросился к нему однажды на время сослуживец и хороший приятель Вадим Степанович, перебиться месячишко-другой, переждать семейный разлад, так сказать конфликтную ситуацию избыть в нейтральных условиях. Артём ситуацию понял, даже не спросил в чём сыр-бор: живи раз надо.

Однажды приходит домой и чего-то сразу на пороге повёл носом, про себя думая, что ровно Кощей Бессмертный принохивается: чей это дух такой противный завёлся в жилище? А оно вот, прямо у порога ползает, возле тарелки с молоком лужу сделало.

– Да ты с ума сошёл, не иначе! – вскричал Артём на приятеля, который с половой тряпкой уже вокруг лужи трётся. – Или не знаешь, что я их брата на дух не выношу, или не рассказывал тебе сто раз про жизнь свою, несчастную?

– Ты главное не расстраивайся, – отвечает приятель, – специально его принёс вылечить тебя гомеопатическим методом. Смотри, какой он ещё маленький, ну какой от него запах? Никакого запаха пока нет, ты к нему привыкнешь, потом он будет расти помаленьку, доза увеличиваться, привыкание тоже. Так излечишься от аллергии, клин клином вышибают – старое проверенное средство.

Евгеньевич, не веря в гомеопатию, срочно зажал нос, пока не началось. Загнул:

– Уноси своё лекарство, откуда принёс, чтобы духу его здесь не было. Квартиру мне провоняешь, где я жить стану?

– Куда понесу, на ночь глядя?

– Где взял туда и верни.

Приятель вздохнул, тряпку в ведре прополоскал сокрушенно:

– Честно говоря, на улице подобрал. Иду – пищит, жалко стало, я же не изверг, не могу оставить беспомощное существо валяться в грязи, человек всё-таки, не скотина бессовестная, как некоторые, не будем пальцами указывать. Неужели, обратно отнести прикажешь и в грязь положить?

– Да хоть домой к себе отнеси.

– У нас собака живёт и жена злая.

– Тогда уноси куда хочешь.

Унёс приятель котёнка в свою комнату вместе с молоком. Дверь закрыл, чтобы никого не раздражать. Играл с ним на диване, где котёнок сделал лужу. Пока на работе были, котёнок тихонько пачкал плитуса, стараясь делать это в укромных уголках, за мебелью, где никто не увидит и не накажет, в результате запах установился в приятельской комнате известного рода, который тот, почему-то никак унюхать не мог и прекрасно прожил с котёнком ровно месяц, ни сам с Артёмом не разговаривал, ни хозяин с ним.

Ушёл знакомый-квартирант тихо, деньги зачем-то оставил за проживание, хотя никакого разговора о деньгах не было и котёнка забрал, но Артём его здорово материл, когда в поисках причины своего удушья отодвинул мебель и начал отмывать со стиральным порошком многочисленные засохшие разводья на плитусах за диваном и стенкой. Диван с паласом выкинул. Самое плохое – отношение в коллективе сильно изменилось в худшую сторону. Смотреть сослуживцы стали искоса, как на изверга и ненавистника братьев наших меньших, а также женщин и детей, потому не женится – живёт бобылём и анахоретом, никого к себе близко не подпускает, только за месячную плату. Действительно, что за человек, если несчастного бесприютного котёнка на ночь глядя требует немедленно из дома вон выкинуть? Бессовестная личность одним словом, дрянь совершеннейшая Артём Евгеньевич оказался, а не коллега.

С Вадимом они еще в бытность его квартирантом перестали за руку здороваться, а тут и прочая часть мужского коллектива при встречах начала ладони в карманах прятать. Всем известна прописная истина: сегодня он котёнка вышвырнул, завтра собаку утопит, а послезавтра бабушку за двадцать копеек топором зарубит, история классическая, многократно описанная русскими и иностранными гениями. Женщины, впрочем, по своей природной мягкости целую неделю пытались исправить его, проводя назидательные беседы, что приличные люди, достойные звания сотрудника их замечательного коллектива, никогда братьев наших меньших не бьют по голове. И напрасно Артём пытался уверять, что по голове он никого бить не собирается, напротив целый месяц терпел беспредел, потом отмывал квартиру, чуть не при этом сдох – бесполезно. Сытый голодного не разумеет. Со временем и женщины оставили попытки направить природного изверга на путь истинный, как водится, обратились за помощью к начальству.

Понёс однажды Евгеньевич бумаги на подпись к директрисе, отстоял, как полагается, очередь на приём, вошёл, кипу вручил, ждёт. Даже садиться на стульчик не стал, с ноги на ногу переминается: очень срочные бумаги, в том числе на матпомощь отпусникам, которым лететь отдыхать надо, а касса вот-вот закроется.

– Вы присаживайтесь, присаживайтесь, – говорит директриса, не спеша подписывать, и глядя на него задумчиво. – У вас, я слышала, кошки дома нет. А у меня как раз родилось семь штук крестников, пятерых разобрали, парочка осталась. Не возьмёте одного?

Взяла ручку, и не подписывает, ждёт ответа.

– У меня аллергия на кошек, – как бы извиняясь, признался в грехе Артём, – про то все знают, хоть у кого спросите.

– Ни за что не поверю, – произнесла начальница твёрдо, – вы только посмотрите на них, аллергию как рукой снимет. Какие милые, да же? Возьмите вот эту кошечку, возьмите, не бойтесь, такая, знаете, хорошенькая, такая забавная, ну просто прелесть. Аллергию свою лечить надо в больнице.

– Я лечил.... неоднократно даже. Не помогает.

– Плохо лечили. Врача смените.

– У разных врачей перебивал, чего только со мной не делали, и уколы и таблетки – ничего не помогает.

– Если настоящего специалиста найдёте – обязательно поможет. Берёте крестников?

Котят сидели в старой дамской шляпке бордового цвета. Теперь она его два часа будет мурыжить-прессовать, отпускники пролетят с деньгами, разозлятся на него, коллектив вообще перестанет разговаривать. Конфликт перейдёт в неуправляемую фазу, придётся увольняться, всё к тому движется.

– Хорошо, беру, – Евгенийевич отворотил нос в сторону, дабы не чувствовать животного запаха.

– Если обоих возьмёте, прямо со шляпкой отдам.

– Спасибо, возьму обоих, у меня знакомые недавно спрашивали.

– Ну и отлично, я знала, что вы, Артём Евгенийевич, прекрасный человек и хороший товарищ, напрасно про вас гнусные слухи распускают. Любите животных, молодец.

Немедленно расписалась в бумагах, торжественно вручила фетровую линялую шляпку и вон выпроводила с иронической улыбкой. Коллеги мигом сбежались в их рабочую комнату, принялись заглядывать в шляпку, живо интересоваться: зачем он с аллергией такой страшной набрал себе столько котят? Зато отпускники получили в кассе деньги и улетели отдыхать довольные. «Я их знакомым подарю, – отвечал Артём несколько затравленно, – у меня знакомые в деревне живут, им кошки нужны. Крысы измучили». И все видели – врёт, нет у него никаких таких добрых знакомых в деревне.

После работы принялся ходить по домам, предлагать всем подряд распрекрасных котят совершенно бесплатно. Никто не брал, даже смотреть не желали. Артёму очень не хотелось нести шляпку домой, где прошлый запах не выветрился до конца, а куда деваться? Никто не берёт. Ходил до позднего-позднего вечера, стыдно сказать, предлагал забрать даже с его приплатой. Коммерция не удалась. Затемно, еле живым добрёл к своему подъезду, сел на лавочке. Подниматься к себе не хотелось. Пойти забросить куда-нибудь в овраг, что ли? Уже темно, ни черта не видно. Или предварительно утопить в ведре, чтобы не мучились? Или увезти в лесополосу и оставить там, как отец Мурку, эти-то не прибегут обратно. Да, вот именно, не прибегут. Зато директриса начнёт каждый день интересоваться, как поживают крестники. Ещё вздумает поехать проведать, с неё станется, бензин-то казённый.

Рядом на лавочку опустилась женщина. Отвергнув идеи про овраг, ведро и даже лесополосу, не глядя в её сторону, Артём автоматически поинтересовался: «Гражданка, вам котёночка не нужно? Может, парочку возьмёте?» Та даже не сочла нужным ответить: «Ну и чёрт с тобой, бессердечная ты баба». Или всё-таки съездить в деревню, всучить кому за деньги, договориться, чтобы не девали никуда, по крайней мере, первое время, а то и в деревню директриса может катануть запросто? Нет, никуда не поеду, устал, сил нет жить, того и гляди приступ сейчас начнётся. Залезу лучше на крышу дома и швырну их оттуда. А следом сам прыгну, предварительно натянув шляпку директрисы по самые уши, чтобы не свалилась при падении, пусть потом с милицией разбираются, объяснительные в прокуратуру пишут, собаки такие. Да-да! Пусть объяснит директорша, откуда её женская шляпка взялась на голове погибшего подчинённого. Вызовут в милицию, как Евгенийевича прошлый раз в ОБЭП, допросят серьёзно,

с пристрастием! Он ни в чём виноват не был, а и то испугался, когда совсем ещё молодой следователь начал допрашивать, почему некто Фонарский прописан в его квартире? Никакого Фонарского Артём Евгеньевич сроду не знал и не видел никогда... Так откуда, всё-таки? Спрашивает зло, не мигая, как в гестапо, аж кровь в жилах стынет.

«Вы спросите паспортистку нашей жилконторы, она пропиской ведаёт, а он в квартире один-одинёшенек...» «Значит, говорите, не знаете?», – ох, страшно валериановому человечку в кабинете, будто с жизнью досрочно прощается. И не зря, надо сказать, переживал, в том самом ОБЭПе, вон как золотопромышленника допрашивали, что умер прямо на стуле от множественных переломов, после чего сбросили хитрые милиционеры предпринимателя со второго этажа, дабы камера на выходе не зафиксировала вынос тела, отвезли, в лесу прикопали.

А тоже ни в чём виноват не был. Пусть и директрису там допросят, откуда на голове погибшего, дескать, взялась ваша бордовая шляпка? А Степаныча пусть прокурор города в оборот возьмёт, как он целый месяц над ним издевался со своим котёнком, рискуя его, Евгеньевича жизнью ежесекундно. Прокурор вон самого мэра города арестовал за взятку, не побоялся, храбрый человек, честный, принципиальный. Взяли мэра за белые руки, а у того в кармане триста тысяч. «Откуда у вас триста тысяч в кармане?»

Мэр страшно удивился: «Я же мэр – вскричал, – у меня зарплата в месяц восемьдесят тысяч, как мне в кармане трёхсот тысяч не иметь?». И точно, кинулись смотреть – восемьдесят тысяч зарплата, но с карточки за пять лет ту зарплату ни разу не снимал! Шестидесят объектов недвижимости в городе мэр имеет, целые собственные рынки и супермаркеты, а прокурор не побоялся... сначала. Потом срочно в другой город его перевели, за себя не боится, но за семью переживает, так прямо в телевизор и сказал.

А мэр за четыре миллиона через Европейский суд освободился, ибо камера на двоих с телевизором всё же не соответствует высочайшим евро-стандартам, ходит нынче по городу: руки – в брюки, как ни в чём не бывало. Нет, лучше пусть Степаныча тоже ОБЭП допросит слегка, не до смерти, но чтобы понял хорошенько, как больно жить простому валериановому человечку на белом свете...

Дурно ему, очень дурно. Сбежать куда-нибудь от всего, найти другое место бытия, где нет ни сослуживцев – защитников животных, ни хитрой директрисы, ни Мурки с глазами, ни прочих Васек, ни дамской фетровой шляпки рядышком на скамейке, ни запаха в собственной квартире, до сих пор никаким стиральным порошком не выводящимся. Кивнул Евгеньевич головой раз, кивнул другой и... заснул прямо на лавочке, забыв о мучительной действительности, перейдя в другую реальность, пусть и мнимую, но в данный момент спасительную, где ничего вышеперечисленного нет в помине и можно, наконец, вдохнуть полной грудью свежий чистый воздух.

Оказалась кругом не тьма, но светлый день, встал Артём с лавочки, поднялся к себе в квартиру, там тоже светло, чисто и даже как-то празднично в том смысле, что на работу не надо идти, вроде бы выходной сегодня и ни забот никаких нет, ни тревог. Пребывая в радостном, приподнятом настроении взял с полки любимую книгу, сел в кресло, начал читать, быстро погружаясь в ещё более интересную радостную жизнь, которая захватила его в ласковые объятия и унесла прочь от дурного очень далеко. Не столько читает, сколько в памяти сами собой вспыхивают дорогие сердцу картины, разворачивается действие, скользнул от страницы взгляд в сторону, улыбнулся Артём Евгеньевич под стул неведомо кому.

Стойте, стойте, что значит «улыбнулся под стул», а тем более «неведомо кому»? Глупо улыбаться под стул, разве будет нормальный ответственный человек улыбаться под стул, даже пребывая во сне? И кому можно улыбаться под стул? И зачем? Задав себе все эти вопросы, Евгеньевич уже внимательно глянул под стул, с изумлением замечая, что оттуда кошачьи глаза на него уставились. Кошка чужая в квартире среди бела дня объявилась, что за чудеса в решете? Отложил книгу, встал, подошёл – сидит, не убегает, взял остороженько за шиворот,

приподнял, решил на площадку из квартиры вынести. Ничего, спокойно висит котёночком, которого мамаша тащит, не царапается. Только смотрит Артём, бог ты мой, в другом-то углу целых две кошки наблюдают за процедурой эвакуации. Сделалось не по себе, как бы в предчувствии беды, коей пока нет, но шестое чувство шепчет, что катастрофы никак не избежать.

Волосы на затылке встали, а по всему вмиг замёрзшему телу мурашки завихрились. Откуда? Дверь заперта, сам закрывал, окна тоже. Застыл на месте с кошкой в руке, обернуться страшно, что на диване делается? Наверняка странные, невесть откуда взявшиеся кошки прохлаждаются, глядя на него муркиными выпученными глазами. Обращиваться не стал, удержался, неторопливым шагом дошёл до двери, с насильственной прохладцей рассуждая: «сейчас эту выкину на площадку, за теми вернусь». Открыл дверь, а там, представьте себе – целая кошачья толпа его дожидается на площадке, морды, морды – десятки, а может и сотни пар глаз уставились, будто ждали мгновения, когда дверь раскроется. Не успел ничего сообразить, влился кошачий поток в квартиру весенней игривой рекой, в половодье прорвавшей плотину, затопив комнаты. На столы вскочили, на стулья, со шкафов глазастые, усатые головёнки торчат, мяукают противными голосами, диван сплошь шерстью разномастной шевелится, иные так громко вопят, будто март наступил. Выгонять бесполезно, самому бы куда скорее убежать – опять горло перехватило, дыхнуть нечем. Кинулся вниз по лестнице, запруженной потоком идущих вверх кошек. Плотно движутся черти: спина к спине, нога к ноге. Глядят горящими глазами на распахнутую дверь квартиры, словно в землю обетованную прут, за спасением души.

Но ведь не привечал он их, не подкармливал, как пожилые одинокие пенсионерки, которым не за кем ухаживать. Не выносил блюдечек с молоком вниз в подъезд, на что другие жильцы только ругаются и блюдечки на улицу вышвыривают – «там кормите своих кошар, весь подъезд провонял кошачьим дерьмом». Представить страшно, как на него теперь соседи рассердятся, что он столько кошек в квартире завёл: сотни, сотни, пройти негде, да что пройти, ногу поставить некуда, так и норовят о колено потереться да на плечо прыгнуть. Вот, пожалуйста, запрыгнули. Перехватило горло, качнулся Евгенийевич теряя силы, захрипел, понимая, что не выбраться на этот раз из кошачьего плена, сейчас рухнет на ступени и придёт ему скорый конец прямо на лестнице...

Очнулся от дурного сна, когда сидевшая рядом и прежде не пожелавшая ответить на просьбу взять котят женщина, вдруг тронула его руку. Выскочил, вынырнул из потопа, не задохнулся, слава те, господи! Соседка продолжала сильно сжимать локоть.

– Артём, идём домой. Я сيامцев своих... сегодня... усыпила в ветлечебнице.

Порылась в сумочке, будто собираясь предъявить справку, что сيامские коты действительно уничтожены, и, стало быть, путь к семейному счастью свободен, но достала лишь скомканный платочек, тотчас горько в него всхлипнула, как дочь на похоронах матери от неожиданного воспоминания нанесённой родительнице обиды, за которую не попросила вовремя прощения, а нынче сделалось навсегда и непоправимо поздно. Узнав любимую, Артём Евгенийевич замялся, не находя слов утешения в горе, причиной которой был он сам. Посидел-посидел, достал фетровую дамскую шляпку, осторожно возложил ей на колени драгоценным подарочным набором:

– Не плачь, ради бога, возьми вот кошечек... тоже, знаешь, очень-очень симпатичные.

ГИПОТЕЗА БИБЕРБАХА

На нём старое зимнее пальто без воротника. Из рукавов выглядывали аккуратно обгрызенные временем и кострами сельскохозяйственных кампаний лоскутки чёрной саржи, драп вокруг пуговиц, на локтях и карманах истёрся до основы. Внешний вид весьма убог даже для этой студенческой столовки, пахнувшей гнилой рыбой и лапшой, где народ ест в толкучке, не снимая шуб и шапок, а мухи и в феврале на диво жизнерадостны. Длинная шея Саломатина низко прогнулась над тарелкой общепитовских щей из кислой капусты, кожа туго обтягивает лоб и треугольники плоских скул.

Мы сидим за маленьким грязным столом, заставленным использованными стаканами с остатками кефира, молока и чая; он цепко придерживает тарелку левой рукой и хлебает горячее варево с неистовым наслаждением, я иронически его разглядываю. Слежу за ним с самого утра, не отставая ни на шаг. Ничего интересного пока не происходит, но мне уже понятно то, о чём сам Саломатин пока и не догадывается. Сегодня, крайний срок – вечером, он должен, просто обязан уйти из жизни. Это единственный для всех нас достойный выход при сложившемся положении вещей.

Саша благоговейно подбирает ложкой длинные расползшиеся волокна капусты, скрупулёзно вычерпывая все имеющиеся калории, и в то же время толком не видит, что ест. Уверенность, что это должно произойти именно сегодня, посетила меня только что, когда он взял тарелку щей, истратив последние копейки, на которые собирался купить сладкую булочку для своего старшего, трёхлетнего сына Проньки. Я видел его колебания: сначала он встал в хвост очереди, потом вдруг выскочил из неё, растерянно оглянулся: могу поклясться, что и сам не понимал, как здесь очутился. Скорее всего, пришёл инстинктивно: мозг в это время был плотно занят гипотезой Бибербаха, а вечно голодный желудок, выбрав подходящий момент, отвёл Саломатина в столовую. Но, встав в очередь, Саша вспомнил о булочке, и решил не есть, а всё же купить сдобную сладость ребёнку и вернуться домой не с пустыми руками. Он покинул очередь, совсем уже было спустился по лестнице к выходу, но тут в голове мелькнула новая интересная мысль по поводу гипотезы, которую принялся на ходу обдумывать, и, конечно, позабыл обо всём на свете, а желудок завернул его обратно в очередь.

Сейчас аспирант по-прежнему размышляет о гипотезе, не зная, что сидит за столом и ест. Если спросить у него через полчаса, понравился ли ему обед, Саломатин не поймёт, о чём речь.

Неужели я действительно хочу его смерти? Неприятно говорить, но это так. А ведь когда-то мы были, как одно целое. Нет, всё, сегодня он должен умереть, зато Настя, Пронька и все прочие станут жить много лучше, чем прежде, я постараюсь, чтобы это было так.

Поедая щи с лохмотьями свернувшейся кислой сметаны, плавающими на поверхности, он думает о том же самом, о чём думал все последние месяцы в любое время дня и ночи: в читальном зале библиотеки, на улице, дома... о гипотезе Бибербаха, вернее, о путях её доказательства. Не замечая, что ест, где находится. А когда проглотил очень быстро последний кусочек хлеба, тут же несколько ошарашено посмотрел вокруг себя, затем вскочил и чуть не бегом ринулся к раздаче, где толпилась многослойная очередь. Перекинул руку через стоящих людей, схватил с общего подноса пару кусков хлеба, и, не рассчитавшись за них, вернулся дохлёбывать щи. Попросту говоря, украл.

Я настойчиво разглядывал склонённый над тарелкой упрямый лоб с большими зальсинами, однако Саломатин делал вид, что не замечает меня. Съев всё до крошки и лишь слегка пригасив голодный блеск глаз, он с сожалением посмотрел на надкушенную кем-то и брошенную на столе горбушку хлеба, но – честь нам и хвала! – удержался, сдал тарелку и снова направился на своё рабочее место в библиотеку. Даже в морозы сей оптимист обходится без шапки: пегие волосы ёжиком, благочестиво стоптанные башмаки, чёрная хламида делают его похожим

на нищего провинциального пастора. В лучшие дни – восторженный и благочестивый миссионер, ныне – полный банкрот. Я следую за Сашей по пятам из-за странного любопытства ко всему, что предпримет он в этот свой последний день. Не может же человек до конца остаться заинтересованным лишь в одном абстрактном математическом вопросе? Пусть даже самом великом в теории аналитических функций.

Но и вернувшись в читальный зал, Саломатин не изменил себе ни на йоту, опять принялся за гипотезу. Мне сделалось скучно наблюдать широченные плечи в сером растянутом свитере, связанном Настей. Эх, уж когда я окажусь на его месте, то не буду здесь неделями штаны протирать! На пять часов мы с Сашей договорились о встрече, чтобы на свежем воздухе обсудить его новые мысли. Наши роли распределены заранее: он предлагает, я критикую. И почти всегда оказываюсь прав. Ровно в назначенное время спустились во внутренний библиотечный двор, и, глубоко вдыхая морозный воздух, отправились неторопливым шагом вдоль решётчатой ограды, затем свернули на расчищенную дорожку, которая уводит в глубь чернеющих зарослей черёмухи, к кедровой аллее. Обычно мы дискутировали именно здесь, незаметно вытаптывая небольшую полянку на свежевывавшем снегу.

На сей раз оппонент изначально казался мне миражом, чья иллюзорность вот-вот будет доказана. Нехорошее предчувствие надо гнать, а я зачем-то представил, что будет, когда Саломатин и его драгоценная гипотеза Бибераха оставят нас. Это трудно вообразить, всё-таки мы знаем друг друга слишком давно, и пусть прошли годы, которые сделали нас очень разными, даже противоположными, – как жаль, как жаль его! Моя впечатлительность излишне разыгралась; боясь, что в следующее мгновение он уже исчезнет навсегда, рассыплется снегом с ветки, сказал: «Эх, Саша, Саша!».

– Чего, друже, стонешь? Давай лучше поговорим конкретно.

Вот он идёт рядом, конкретный человек в своём смешном балахоне, и рассказывает, что Тейхмюллер был прав полвека тому назад, и тут же, на снегу, жаждет показать новое определение для однолистной голоморфной функции, которое назрело у него в голове сегодня, а я гляжу на серые впалые щёки, ранние залысины, что светятся прозрачно—голубыми венками, и понимаю, что всё напрасно. Пора кончать. Сколько можно?

Красная замёрзшая шея, в руках старый портфель, в правом кармане дырка, в левом закомпостированный трамвайный талон, а на лице добродушнейшая улыбища, скрывающая великую гордыню: «Я, Александр Саломатин, всё могу!». Из-за неё наш чудак забыл о нормальной диссертационной теме, и с утра до вечера может говорить, думать, мечтать только о ней, единственной и неповторимой Гипотезе! «Я – математик» Как будто другие геологи. И если не берутся решать в своих диссертационных работах какую-нибудь гипотезу Пуанкаре, то зря едят народный хлеб! Уж по крайней мере не воруют куски в столовой.

– Ты понимаешь, как оказалась связана гипотеза с теорией чисел? А ведь по функции Кебе это давно было видно, и вот сегодня у меня наконец-то выплыла новая дефиниция, вроде что-то стало наклёвываться...

У него каждый день с утра что-то начинает проясняться. К вечеру вот, только вновь сгущаются потёмки. «Эх, Саша, Саша, всё, это – наш последний раз». И деньги булочкины растратил. Одно к одному. А может, взовём к родительской совести?

– Саша, ты ничего не забыл сделать?

– Да вроде бы всесторонне рассмотрел... Погоди, погоди. А ну, взгляни туда, как будто невзначай: видишь гражданку в длинном пальто, сапогах с пряжками, каракулевым чёрном берете, очках на лице близорукой прачки? Представь, эта мадам ходит за мной повсеместно; случайно не помнишь, кто такая? Не из университетской газеты?

Я поглядел в том направлении, куда ретиво косил Саломатин.

Там никого не было. Несчастный аспирант неотрывно созерцал голые кусты и приветливо улыбался. В его глазах плавали два золотистых солнечных бельма.

– Саша, идём домой.

– Погоди, друже, погоди. Хочу сказать главное: недавно она мне приснилась ночью во сне, и говорила что-то на ломаном немецком, я тогда как раз переводил книгу Тейхмюллера, – может быть, поэтому. Она сказала: «Ах, герр Саломатин, герр Саломатин, вы такой глупый киндер, что выбросьте свою голову куда подальше», ну и прочий бред. Всего не помню, а эта фраза почему-то засела в мозгу. Бред, конечно. Но мы с ней долго разговаривали, я что-то не соглашался, а она всё уговаривала, и, знаешь, – Саломатин придвинулся, – не смейся, но мне кажется иногда, что эта женщина... не совсем женщина... она и есть – гипотеза Бибербаха.

Он осторожно глянул в мою сторону. Я хранил полную непроницаемость. Если на пустом месте видят женщину в сапогах, не простых, а с пряжками, то почему бы этой хорошо и по сезону обутой даме не оказаться гипотезой Бибербаха? Ещё минут двадцать мы обсуждали на холоде новоявленную дефиницию, потом отправились на остановку, сели в троллейбус, поехали. Тут я сделал последнюю попытку спасти его:

– Саша, так дальше жить нельзя. Сам ты, конечно, можешь ходить в чём попало, жрать что придётся – ладно, это твоё дело, но ведь Настя не в состоянии выйти на улицу. Ей просто не в чем. Она заперта с детьми на восьмом этаже, они все замурованы тобой. Заживо. Но ты даже не думаешь об этом. Ваш месячный доход на четверых составляет сто восемьдесят рублей, из них за квартиру платите шестьдесят, что остаётся? Одному можно ноги протянуть. Трёх-летний ребенок не знает лакомства выше сладкой девятикопеечной булочки, да и ту малость ты ему не часто покупаешь. Сегодня опять забыл?

– Детей нельзя баловать. Пусть лучше он ценит малое, чем не ценит многого.

– Короче, Саша, даю тебе последний шанс: есть место дворника в детском саду. Ну, три часа в день от силы помашешь лопатой с утра – вместо физзарядки.

Саломатин закашлялся, прижимаясь к обледенелому окну троллейбуса:

– Я математик! Я должен зарабатывать мозгами! Я не лентяй, пробовал подрабатывать, а потом сидел без толку весь день в библиотеке, не работал – отдыхал, и ничего не мог с собой поделать. Голова пустая делается от подработки, понимаешь ты? Пустая. Не веришь, что смогу доказать Гипотезу? И чёрт с вами со всеми, как хотите, так и думайте, но я уже близок к решению, чувствую его, как свежий воздух в подземелье.

В подъезде пахнет кошачьей мочой и цементной пылью. Лифт не работает. Мы долго поднимаемся по бетонным пролётам. Шустрые полудикие коты с крысиными мордами снуют возле мусоро-приемников на площадках.

– Тебе не кажется, что они походят на функции Кёбе? – обрадовался Саломатин, указывая на стаю котов. – Такие мягкие, отточенные движения, и шкурка короткая, ровная; в темноте сыплет электрическими искрами, когда возвращаюсь домой поздно вечером, в темноте – одни голубые молнии. Да, такими и должны быть граничные функции, а зубы-то острые... так и распластают единичный круг в одно мгновение – глазом не успеешь моргнуть.

– Надеюсь, что и вашим местным крысам тоже не поздоровится.

Саломатин нажал кнопку звонка. Дверь открыл Пронька. Ручки и ножки – словно тоненькие и длинные веточки. Стоит на проходе и смотрит очень серьёзно.

– Папа, булочку принёс?

– Что? Ах, булочку, чёрт возьми, забыл, братец. Ну, ничего, завтра обязательно. Сразу три булочки за пропущенные дни. Представляешь, три сразу?

Пронька доверчиво улыбнулся.

– Главное – правильное воспитание, – отмёл невысказанный упрёк Саломатин и снял пальто. – Не приучай детей к излишествам, и тогда они вырастут нормальными людьми. Ничего больше не надо, остальное баловство.

– Что ты называешь излишеством, уж не булочку ли?

– Не придирайся. Посмотри лучше, какой мужик растёт самостоятельный. В три года сам ходит на улицу гулять. Мать с ним, ясное дело, вверх-вниз бегать не может – с Наменьшим на руках, так он самостоятельно одевается и идёт. Поиграет внизу, обратно залезет. Так весь день вверх-вниз, вниз-вверх. Смотри, снова одевается: штаны, шубу и – вперёд! Настя, чем кормимся сегодня?

– Сейчас капуста дотушится.

Настя приветливо улыбается, но глядит как-то в сторону оттого, что в доме нет ничего, кроме тушёной капусты. Даже чай кончился. По сути, это нищета. Обживать только построенную чужую квартиру, где первый год дует изо всех щелей, текут батареи, не ходит лифт, платить за это немалые деньги и воровать в столовке хлеб. Капуста и крупа. Крупа и капуста. Что ещё можно купить на оставшиеся деньги, чтобы прокормиться? И в это самое время, забросив официальную диссертабельную тему, он увлёкся гипотезой Бибербаха.

– Друже, а мне всё же удалось определить голоморфность в новых терминах...

Я не отвечаю Саломатину, поворачиваюсь к окну. Сумасшедший! Просто сумасшедший. Далеко внизу валяется на снегу маленьким жучком Пронька. Прямо на проезжей дороге, отделяющей девятиэтажку от хлебного магазина.

– Настя, он не простынет?

– Наоборот, – шурясь через пыльное стекло, разглядывает Саломатин фигурку внизу. – Закалится и болеть не будет.

Настя влезла на подоконник, закричала в форточку:

– Пронька, встань сейчас же! Ты меня слышишь? Встань сейчас же!!

– Вот оно – форточное воспитание, – Саломатин открыл кастрюльку и вдохнул пары. – Амбре!

Слишком он большой оптимист, наш Саша, чтобы покончить с собой в такой вот солнечный день. Пронька встал, отряхнулся и перебежал дорогу.

– Он у меня все окрестности изучил, теперь не заблудится.

Сын вскарабкался по обледенелым ступенькам хлебного магазина, исчез внутри за лёгкой фанерной дверью. С минуту его не было. Мы все стояли у окна и смотрели на плоскую крышу магазина: что под ней происходит? Саша улыбался неизвестно чему, каким-то своим мыслям, может, новой идее, ещё более приблизившей его к решению гипотезы. Но вот покотился из магазина чёрненький клубочек: быстро-быстро, даже ножок не видно, и руками не машет – почему бы это? А за ним продавщица в белом халате гонится, вот, догнала возле самой дороги, отобрала булочку, пальцем погрозила, и скорей обратно в магазин – похолодало, да, похолодало ближе к вечеру.

Я схватил Саломатина за ворот рубахи, прижал, что есть мочи к стеклу и заорал:

– Смотри: вот оно, настало, гляди теперь, этого ты хотел, да? Этого добивался? Смотри, лучше смотри!

А он и сам не мог оторваться взглядом от дороги, где в клубах чёрного дыма исчез Пронька, – там, внизу, тяжело, надсадно рыча, так что весь дом и все, кто в нём живёт, сотрясаются от дрожи, лезли в гору тяжёлые строительные машины-панелевозы. Я расплющил ему губы, нос о стекло. Он согласился, что дальше так продолжаться не может. Ушёл на балкон. Сквозь двойные рамы, закопчённые гарью ближних заводов, затянутые тоненькой вечерней изморозью, виднелась крупная саломатинская фигура, а также разный балконный хлам, доски, на перилах белые пластмассовые ящики для цветов, из которых торчали сухие стебли, припорошённые снегом. Дул резкий, обычный для февраля северо-западный ветер. Просторная рубаха Саломатина рвалась в полёт. Он смотрел на заходящее солнце, плавающее в густом тумане дыма, мял пальцами длинный стебель, который летом был цветком василька. Я отвернулся, чтобы не видеть. Саломатин покончил счёты с жизнью настолько незаметно, что никто

об этом даже не узнал. Никто, кроме меня, разумеется. Мне он был чрезвычайно близок, как никак второе я. А может, даже и первое.

– Пойду, куплю хлеба и булочек.

– Да, пожалуйста, купи.

– Кстати, я тут нашёл подработку: дворником в детском саду. Восемьдесят рублей в месяц, и место для Проньки обещали.

– Ой, хорошо бы! А как же время на... гипотезу?

– Хватит дурью маяться, пора диссертацию кончать да защищаться быстрее.

Пронька носился по сугробам. Я помахал ему рукой и кинулся в хлебный магазин, который вот-вот должен закрыться. Навстречу по обледенелому тротуару осторожно пробиралась женщина в очках с лицом близорукой прачки. Она улыбалась мне, как старому знакомому. На ней длинное пальто, огромные сапоги с медными пряжками, каракулевый чёрный берет...

ГОГОЛЕВСКАЯ ШИНЕЛЬ МАЙОРА

В раннем возрасте Саша попал на театральную постановку детского самодеятельного театра, о чем нынче рассказывает как о важном, может, и главном событии детства: «И вот когда на ярко освещенную сцену вдруг вышел мальчик в костюме красного помидора с зеленой веточкой на шапочке, я восхитился и понял, что судьба моя решена».

Нет, не в том смысле, что Саша окончил школу и поступил во ВГИК, или Щукинское училище, нет, он поступил в Ростовский строительный институт, но при всем при том является в полной мере человеком близким к искусству. То есть читает по вечерам классику, для внуков даже вслух, до двух ночи смотрит канал «Культура», частенько ездит из нашего села за тридцать километров на городские театральные спектакли. Саше шестьдесят пять, он подполковник строительных войск в отставке, заслужил неплохую военную пенсию. Мы соседи, иногда встречаемся по вечерам за бутылочкой хорошего виноградного вина то у них, то у нас. Сегодня у нас. Речь зашла о книгах: нынче Саша перечитывает гоголевскую «Шинель».

– Была и у меня однажды шинель, – вдруг припоминает он, полуулыбаясь, отчего седая щетина на щеках смешно разъезжается, – вся уже изодранная от лазанья по объектам. Я, как Акакий Акакиевич, заказал себе новую, но тут вдруг посылают в срочную командировку, в Москву, новая не готова, ну и ладно, мы на северах народ не гордый – поехал в ношенной-переношенной, что обремкалась вся донельзя даже для деревни.

В Москве выпала свободная минута – в театр на Таганку побежал, это был год, кажись, восемьдесят второй, там уже директором Любимов состоял и был в большом фаворе. В тот день давали премьерный спектакль «Борис Годунов», что неудачным впоследствии оказался, всего несколько раз прошел и сняли его. Около касс, естественно, пусто – кассирша сидит, книжку читает под табличкой «билетов нет».

Ну, я командировочный майор из-под Архангельска, читать в своей глухомани давно разучился, подхожу и на всякий случай задаю вопрос: «Нет ли у вас билетика на сегодняшний спектакль?»

Та, не поднимая глаз, отвечает: «Нет».

Нет и нет, ясное дело – премьера, разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов, марширую туда, откуда пришел. Шагов уже несколько сделал размашистых, виден стал сзади весь во всей своей замухрышистой шинелке, вдруг крик в спину: «Эй, товарищ!»

Поворачиваюсь – машут из кассы.

Возвратился, кассирша спрашивает: «Вы оттуда?»

Я ей: «Оттуда».

Она кивает, протягивает билет, я плачу деньги и счастливый иду к театральному входу, где толпится масса народа, все спрашивают про лишний билетик. Понимаю, конечно, что приняла меня кассирша за боевого фронтовика-афганца, получившего отпуск. Достаяю билет и вдруг вижу: мне продали не один, а целых два. Оглянулся по сторонам, смотрю: девушка в очках, тоненькая, скромная, билетик выпрашивает у спекулянтов. Подошел к ней, предложил взять по номиналу, без переплаты. Она мне деньги отдала, я ей билет на соседнее место вручил. Места наши оказались приставные, в проходе, зато первый ряд. Вон Золотухин прошел, совсем рядом, Алла Демидова...

Ладно, сидим, смотрим спектакль, и вот когда Иван Грозный убивал своего сына, посох его, этакий здоровенный лом, брошенный мощной рукой будущего министра культуры, отскочил от сцены и полетел к нам, в первый ряд, и угодил, представьте себе, прямо в... девушку, в лицо ей... точнее по глазам трахнул, разбив очки вдребезги.

– Убил?

– Нет, но без сознания она оказалась или в болевом шоке... Я быстренько вынес ее из зала в фойе, там сразу скорую помощь вызвали, увезли, а меня какой-то молодой человек в штатском прямо ублажать начал, уговаривать, чтобы я никому про этот скорбный эпизод не рассказывал никогда, ни при каких обстоятельствах, а он со своей стороны обязуется давать мне контрамарки на любой спектакль любого московского театра, включая премьерные. Даже визитку сунул с номером телефона. Тогда визиток ни у кого еще не было. Я и не видел ничего подобного. А он дал так запросто.

– И что, ходил по театрам московским?

– Да куда там... По возвращению, вдруг срочно отправили в Афганистан на три года. Оттуда приехал, искал – искал ту визитку, все вещи перерыл, так и не нашел. Знаешь, посмотри-ка в интернете, идет у них этот спектакль теперь?

– Давай, глянем. Ага, вот, и правда в 82-ом его выпустили, и в том же, смотри-ка, сняли. Видишь, написано на сайте Таганки: спектакль запрещен министерством культуры СССР. А в 1988 году снова запустили.

Мы помолчали, вернулись к столу, выпили еще по бокальчику, заварили чаёк с душицей.

– Что-то мне подсказывает, Саша, что не случайно тебя так срочно отправили в Афганистан, дружище.

– Возможно... Знаешь, во всей этой истории мне, чем дальше, тем больше, девушку жальче делается, зачем тогда ее выбрал-пожалел? Вспоминать страшно: царским дрыном по лицу... Думаю, если бы не я со своей гоголевской шинелкой, небось, здоровым человек остался... Что с ней потом стало? Кто знает?

– Не совсем чтобы гоголевской, конечно, – Акакий Акакиевич, небось, о новой мечтал, а когда получил, наконец, тут-то с него ее и сняли... Опять же если билетерша не пожалела твою старую шинель, то не попал бы ты в Афганистан... а девушка – на больничную койку...

– Да что Афганистан, я оттуда без царапины вернулся...

– Так или иначе – дело определенно в шинели, из-за нее все завертелось. Нельзя, брат, в старом полевом обмундировании в Москву ездить, да еще там по модным театрам разгуливать. Вот если бы ты в новенькой майорской шинели этаким франтом подвалил к билетной кассе, дали бы тебе те билеты? Да ни за что на свете, поверь. И никакой бы драмы тогда ни с кем не произошло...

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ МАНЬЯКА

Телефон зазвонил в семь утра.

– Вячеслав, возьмите трубку! Я прошу вас, Вячеслав! Неужели нет дома?

Вячеслав открыл глаза и начал определяться. Ноутбук включён, развлекается, гоняя по экрану буковки. Музыкальный центр работает, ибо даже спать он предпочитает под музыку, телефон звонит сразу из двух мест: стерео-колонки центра и аппарата на столике. Квартира съёмная, живет здесь с прошлой осени. Вики нет, ушла две недели назад. Проект сдан вчера. Суббота. Выходной. День рождения. Кто бы это мог быть?

– Вячеслав, возьмите трубку, в конце концов, девушка просит!

Славик начал выползать из-под одеяла в сторону телефонного столика. Он решил добраться до него, шагая по полу на руках, оставив ноги ещё немножко отдохнуть на кровати. Снял трубку.

– Здравствуйте, Вячеслав! – облегчённо вскричал очень знакомый женский голос из трубки и отовсюду разом. – Как хорошо, что в это праздничное утро вы оказались у себя дома! Узнали? Да, да, конечно: «Утро именинника»! Сегодня оно наступило для вас! Мы уже знаем, что когда вы программируете, а программируете вы круглые сутки без перерыва, всегда слушаете нашу радиостанцию. Так вот, по случаю вашего дня рождения девушка Виктория передаёт вам свои поздравления и желает счастья только с ней. Кстати, она поделилась секретом, что вы обожаете вставать рано, как истинный жаворонок, поёте сами и любите слушать других, это правда?

– Нет.

– Что ж, бывает и по-другому, а пока получайте, пожалуйста, через программу «Утро именинника» музыкальный привет от нашего радио и девушки Вики.

Я шоколадный заяц,
Я ласковый мерзавец,
Я сладкий на все сто...

Вика отсутствует более двух недель. Прежде таких длительных отлучек с её стороны не допускалось, и Славик полагал, что она ушла всерьёз и навсегда. Выходит, ошибся. В заключительные, самые напряжённые дни работы над проектом ей вдруг срочно потребовались знаки внимания: они должны обязательно сходить в кино, или кафе, ну хоть погулять, а лучше всего, разумеется, прошвырнуться по магазинам. У неё начались летние каникулы, плюс открылся новый летний сезон. Славик никак не реагировал, отмалчивался, как всегда, сидя в кресле, уставившись в экран, и еле заметно поигрывая мышью.

Однако перед видеоконференцией надо было удалить подругу из квартиры хоть на пару часов. Прежде выкручивался весьма простым и действенным способом, давая немного денег на шмотки в виде подарка. Вика обожала совершать промтоварные туры, была готова к ним в любое время дня и ночи, поэтому исчезала мгновенно. И, тем не менее, каждое утро начиналось с нытья, что ей совершенно нечего одеть, все колготки драные. Кинулся искать по карманам, и так получилось, что не нашёл ни рубля. Доллары были, но светиться перед болтушкой Викой, знавшей о его профессиональной деятельности не более того, что ей полагалось, не хотел. Для неё Славик – недоучившийся студент, работающий на птичьих правах в какой-то шараге программистом без трудового стажа, соцпакета, медицинской страховки, и при всём при том круглые сутки просиживающий перед компьютером за сущие гроши. Его внешность напрямую соответствовала образу жизни: невысокого роста лохматый тощий паренёк с тонким носом, глубоко посаженными, неопределённого цвета глазками, в рубаше с длинными рукавами, воротом нараспашку, всегда в одних и тех же простоватых джинсах, похожий на электрика-подмастерье, вечно только-только проснувшегося.

Не найдя денег, предложил в виде исключения разок прошвырнуться по магазинам за собственный счёт, что вызвало бурю негодования. Кричать Вика могла неограниченно долго, время поджимало, пришлось идти на крайние меры. Славик вытряхнул из валявшейся на столе книжки пятьсот долларов, сунул ей, и с чувством произнёс:

– Вали отсюда, чтобы я тебя больше не видел!

Вика мигом растеряла воинственный задор, пересчитала бумажки:

– Небось, на экскурсию по Золотому Кольцу копил? Бедненький, столько лет лишал себя маленьких радостей! Учти, сдачи не будет, всё истрачу до цента!

Да кто бы сомневался. Не позволяя в подробностях развить идею грядущих приобретений, вытолкал на площадку, поддав коленом, затворил дверь, включил камеру с микрофоном и вовремя пал на обычное место возле пустой белёной стенки на стул, куда был направлен объектив. На экране ноутбука всплыл улыбчивый шеф-японец, сидевший в лёгком пляжном кресле на верхней палубе круизного лайнера, за белыми оградительными поручнями которого виднелась полоса морского горизонта. Рядом стояла обязательная доска и большой экран, на котором высвечивались все восемь человек команды. Когда шеф давал кому слово, лицо с номером всплывало в ноутбуке Славика, а обычно можно было видеть всех сразу, так удобнее, когда идёт свободная дискуссия.

Рабочий язык – английский. К японцу проектанты обращались просто «шеф». Друг к другу по номерам. У него самого – шестой номер, говоривший о порядке приоритетов в проекте, и, вероятно, уровне оплаты труда тоже. В принципе Славик был доволен и тем, и другим. Пару лет назад он мог только мечтать попасть в группу разработчиков на уровень ста пятидесяти тысяч баксов в год.

Ему исполнилось двадцать шесть. Из них четыре года вращается в данной системе, и ещё лет десять в запасе есть. У японца Славик поучаствовал в трёх проектах, последний оказался самым горячим, просто непрерывный мозговой штурм по изменению багажных потоков аэропорта Хитроу в свете новых антитеррористических законов. Кроме него ещё один человек в команде русский, это понятно не столько из акцента, сколько по тому, что фигурировал седьмой на фоне огромной печи в деревенской бревенчатой избе. Номером первым в команде состоял индеец, которого так и подмывало спросить, что за чудо-юдо шерится чёрным ртом из темноты, и каждый раз он с видимым трудом удерживался от этого.

Вика не вернулась вечером, утром следующего дня тоже не пришла. Звонить с извинениями он не стал. Умерла так умерла. Проект завершили вчера, в пятницу, с индийцем распрощались: он перешёл в другую команду, с остальными шеф подтвердил соглашение на следующий проект, и предоставил двухнедельные каникулы. Счёт Славика пополнился тридцатью тысячами евро. Теперь у него масса свободного времени, а Вика так и не нарисовалась на горизонте. Да вряд ли придёт. Одно дело самой громогласно, с размаха хлопнуть дверью, и совсем, знаете ли, другое получить коленом под зад из тех же самых дверей.

Они познакомились, когда Славик уже работал на японца.

Как-то в конце зимы посреди жуткой трудовой ночи вдруг ощутил дикий голод, и рванул перекусить в единственное круглосуточное кафе, имевшееся поблизости, там и увидел Вику, сидевшую в одиночестве со стаканом неизвестного напитка. Взял цыплёнка табака, кофе, и, не спросясь, бухнулся к ней за столик, сразу вцепившись зубами в мясо.

Она зашипела:

– Что пристегнулся? Не звала!

Молча, продолжая жевать на ходу, пересел за другой стол. Доел порцию, пошёл заказал ещё. Второго цыплёнка можно поглощать не спеша, в своё удовольствие. Тут к нему Вика и присоединилась, хотя её тоже никто не звал.

– Ну и здоров ты зреть, такой худенький, а лопаешь ого-го!

Он посмотрел ей в глаза и молча улыбнулся.

Днём Вика училась в педагогическом университете на психолога, ежевечерне припахивала стриптизёршей в клубе за десять тысяч в месяц. Этих денег хватало на съём малосемейки и питание. Сейчас заскочила в кафе уже по пути из клуба, спасаясь от назойливого почитателя, желающего провести с ней ночь. Кафе располагалось по соседству с клубом, у Вики здесь работал знакомый охранник. Вызвала женское такси, и дожидалась, когда подъедет. Приятного разговора не вышло, говорила в основном Вика, он занимался цыплёнком. Ответственно моргал, кивал, с хрустом пережёвывая всё подряд. Её глаза имели необычное выражение, будто на днях совершила убийство и теперь жаждала покаяться. Священник из Славика никакой, и хорошо, что рот забит, по крайней мере, дал ей сказать всё, что накопилось. Впрочем, ничего особо интересного он не услышал, обычная в принципе жизнь, как у всех.

Вика поведала, что до клуба была страшно скромной девочкой, а эту работу выбрала исключительно из-за денег. Вроде бы и не оправдывалась, так, обиженные нотки проскальзывали в голосе, а на кого и за что обижаться? Техничкой или санитаркой даже и не пыталась наниматься, трата сил и времени огромная, а денег сушие гроши, всё равно ни на что не хватит, смешно даже на работу ходить, не то что там ещё и пол швабрить-хряпаться. Единственно, став стриптизёршей, пришлось перешагнуть через себя: сначала не могла раздеться перед публикой, клинила.

– Хореографию в школьные годы изучала, в ансамбле пела и плясала, грамоты зарабатывала, с этим проблем никаких, а раздеться... только после бокала вина решилась. Девчонки налили и вытолкали на сцену. Ничего, разделась кое-как. И до сих пор перед началом жажну красненького – и вперёд!

Действительно, Вика оказалась взбалмошной особой. Они прожили вместе почти четыре месяца, потом она громогласно ушла, затем вернулась по новой, и так взяла за правило: то уходить, хлопая дверью на весь подъезд, то приходить и устраивать праздничный вечер со свечами. Праздник устраивался на кухне, где Вячеслав появлялся крайне редко, живя в кресле у рабочего стола с ноутбуком и питаясь здесь же. Торжественный ужин по поводу встречи оплачивал он, это составляло пятьсот рублей, иногда чуть больше: Вика заказывала по телефону необходимые ингредиенты: две пиццы, бутылку вина, коробку конфет, или вместо пицц одну курицу-гриль.

Раздеваться она любила в его комнате. Славик заметил, что и дома красивое раздевание случалось тоже всегда только после бокала вина. Иногда она делала это очень быстро, глазом не успеешь моргнуть, а иногда невыносимо медленно. Однажды, вернувшись после очередного расставания, устроила киндер-сюрприз, разделась прямо на площадке перед дверью. Конечно, на пятом этаже посторонние шляют не часто, а всё равно чуть не задохнулся, когда открыл дверь, а она вот – лежит на полу, постелив свой плащик, в туфлях, макияже, и улыбается. Оказывается, так и пришла в одном плаще, и прожила целую неделю. Но ничего, сходили в магазин, купили халат и платье.

А выпила ли до того на площадке, остаётся под вопросом. Спрашивать не стал, ещё обидится и уйдёт. Вика говорила, что снимает квартиру одна, платит пять с половиной тысяч в месяц. Вячеслав предложил перейти жить к нему, мол, и деньги на этом приличные сэкономятся, и вообще... однако Вика решительно отказалась по той простой причине, что в случае чего ей тогда некуда будет от него уйти, хлопнув дверью.

Возможно, полагала, что сожитель потребует совместно оплачивать квартиру или участвовать в прочих хозяйственных расходах. Нет – так нет, Славик пожал плечами и больше на данную тему не заговаривал. А за квартиру, кстати, уплачено на год вперёд, причём в двойном размере, чтобы голова не болела. И хрущёвку затрапезную выбрал лишь потому, что сам вырос в такой же, чувствовал себя здесь как рыба в воде. Для работы ведь самое главное – чтобы не замечать ничего вокруг, не отвлекаться на ерунду.

А мог бы запросто снять и коттедж, и купить мог, но для чего привлекать лишнее внимание? Глупо. Здесь хозяйка с него даже паспорта не спросила, так обрадовалась оплате, что не появлялась ни разу. Приходит, квитки забирает из почтового ящика за коммунальные услуги, и не слышно её и не видно. Куда бы рвануть? В Мексику или на Бали? Прямо сегодня? Нет, с утра не получится: сначала постричься... потом на двенадцать талончик к зубному... и ещё... день рождения. Или плюнуть на все мероприятия, взять да улететь в Турцию? Там и постричься. Наголо, под Зидана. А Мексика с кактусами?

Ничего не решив, начал действовать по заранее разработанному дневному плану, то есть неспешно позавтракал в том же круглосуточном кафе, откуда направился прямым ходом в ближайший салон красоты, где попал в кресло молоденькой и уже весьма упитанной парикмахерши в синем коротком халатике почти без рукавов. Кресло располагалось в соседстве с открытым окном, штора из того же синего невесомого шёлка парусила в потоках воздуха.

Мастерица взмахнула огромной синей накидкой, парашютом накрывшей Вячеслава, закутала с горла до ног. Он сжался, предчувствуя обычные болезненные процедуры, сделался меньше, чем был на самом деле, а в комплекте с парикмахершей, вставшей позади кресла и разглядывающей его шевелюру, оба превратились в единую синюю кенгуру, отягощённую огромной сумкой-животом, из которой торчала остроносая, вихрастая маленькая голова с вытаращенными глазами. Рвануть, что ли, в Австралию?

Буркнул: «Модельная, коротко, но не слишком», и впился взглядом в зеркало, предчувствуя, что его сейчас опять оболванят, а он снова не ухватит то единственно верное мгновение, когда надо крикнуть: «Всё, достаточно, спасибо!» Если же не сказать, то будет вроде бы ничего-ничего, а когда потом встаёшь, то поздно возмущаться. Эта упитанная девица наверняка дёргать начнёт, и почему они все дерут волосы, да при этом ещё весело треплются друг с другом?

Парикмахерша запорхала вокруг ярко-синей бабочкой, почти не касаясь головы. Трепетно шёлкающие ножницы, казалось, рассекали исключительно окружающий воздух. «Слава богу, не дерёт, наконец-то мастерица попалась. Узнать, как зовут, ходить только к ней», – Славик обрадовался: повезло в день рождения, и расслабился. Стрижка стоит сто двадцать. Если нормально пострижёт, он добавит ещё сто рэ на чай. Профессиональный труд должен поощряться, профессионалов в любом деле Славик любил, сам такой. И приготовился возлюбить парикмахершу тоже.

За волосы мастерица действительно не дёргала, стригла легко, неощутимо, только вот налитые ручки оказались до такой степени короткими, что небольшие откровенные груди, голые локотки, – всё это поселилось жить непосредственно у носа клиента. И забывчивая. Так отдаётся любимому парикмахерскому делу, что всё забывает: прижмётся горячим бедром к колену и стоит целую минуту, вроде по производственной необходимости, посмотрит-посмотрит на лицо, обежит вокруг, затрещит ножницами, и – тык, в другое колено упрётся. Вся в работе, трудится не щадя живота своего, стиль такой. А на вид сначала обыкновенной показалась, неинтересной, но мало-помалу Славик понял, что ошибся, посчитав её заурядной толстушкой. Нет, тело феноменальной притягательности, замечательно крепко стиснутое объятиями ультрамаринового шёлка. Рука от запястья до подмышки тоже необыкновенно гладкая, и, под мелодичное пощёлкивание ножниц, предплечье, такое близкое и доступное, начинает сотрясаться единым целым мелко-мелко. Отчего туго перетянутое накидкой горло Славика рефлекторно совершает одно за другим глотательные движения, несмотря на непреходящую сухость во рту.

Вовсе не бабочка перед ним порхает, а единственная в своём роде крепенькая синичка, быстрая, сильная, прилетевшая в сад, где висел на ветке специально для неё на нитке кусочек сала, прицепилась острыми коготками – и давай обрабатывать со всех сторон! Гладкая и голая. Если без халатика. И в халатике шёлковом всё равно – гладкая и... голая. Ей даже раздеваться не надо, так всё видно. Наверное, незамужняя. А может, и живёт с кем. Невинная девчонка

не стала бы запросто напирать на ногу клиента даже из соображений устойчивости. Или могла? Сейчас он не в состоянии решить данный вопрос: голова слегка помутилась от близости. Или перед близостью? Она его клеит? А может, это редкий профессиональный стиль, обусловленный недостаточной длиной рук? Клеиться он не будет. Почему? Вика же ушла, всё.

Нет, дело в том, что лицо, разглядывающее сверху, этакое... неподходящее, одним словом, не в его вкусе, но оголённое предплечье слишком близко подрагивает сразу всей массой, ядрёным студнем, и дурманящий аромат близкой женской плоти не могут перебить ни конфетный запах салона, ни порывы воздуха, влетающие через окно. Чтобы не видеть, он зажмурился.

Парикмахерша встала сзади, оттянула воротник, начала подравнивать волосы на шее машинкой, касаясь холодными пальцами горячей кожи. Почему у них всегда холодные руки? Славик опасался, что шея покроется гусиной кожей, по которой парикмахерша легко поймёт, как бурно клиент реагирует на её прикосновения. Неприятно, когда тебя понимают. Стараясь не слишком двигать кадыком, осторожно сглотнул. Повязка, которой перетянута горло, предательски приподнялась и опустилась. С накидки осыпались стриженные волосы. Парикмахерша вновь запорхала резкой, безукоризненно точной в своих неуловимых движениях синичкой. Затаилась сбоку, нагнулась ближе, проводя ещё более холодным, чем пальцы, опасным металлом ножниц, указательным пальцем осторожно оттопырила ухо. Касаясь его ногтем, провела холодную щёлкающую линию до виска: чик-чик, и ещё чик! Сама замерла, не дышит даже близко-близко, и он замер, как в первое мгновение соития. Терпит. Ещё ведь и второе ухо сейчас согнёт! Жарко как, жарко, ветерок бы хоть дунул, что ли, свеженький, охладил расплённого Славика.

Будто на заказ, шторка вздулась парусом, в точности приобретая выпуклую форму груди парикмахерши. Мягкий нажим на затылок – команда наклонить голову вперёд, двумя пальцами о виски – обратное движение, одним сбоку – склонить, команды следуют одна за другой и выполняются его головой, ставшей подвластной парикмахерше, беспрекословно, как тело наложницы приказам господина. Что вызывает в нем внутренний протест. Теперь принялась ровнять волосы спереди, крепко прижавшись обеими коленками, ведя медленно-медленно: чик-чик-чик-чик-чик! Славик тоже почти не дышит, зажмурился. Темно и жарко, очень жарко, рубашка мокрая, хоть выжимай. Мягкой кисточкой смахнула остриженные волосы со вспотевшего лба, прошлась по щекам, подбородку, сзади оттянула воротник сильно, будто удавку набросила, и быстро-быстро, щекотно – по шее.

Подошла спереди, глянула и осталась недовольной. Зашёлкала сверху по левому полушарию, прямо по мозгу. Правое ответно пыхнуло. Он старался не видеть гладкого бедра, которое подробно обтянул синий халатик. Наэлектризовался? От него? «Уж лучше бы драла волосы и болтала с другими парикмахершами», – пожалел запоздало.

Указательным пальцем приподняла подбородок, кисточкой снова обмахнула всё лицо, провела по шее. Сняла повязку, накидка убрана.

– Пожалуйста.

– Спасибо.

Не глядя в зеркало, развернулся и откровенным жадным взором обшарил всю её туго обтянутую шёлковую фигуру, положил на столик сто рублей, ещё раз сказал: «Большое спасибо», она снова безучастное: «Пожалуйста», в медленной задумчивости степенно прошагал к администратору, где расплатился за стрижку, взял пластиковую ручку двери, открыть не смог, обернулся. Парикмахерша сметала щёткой многочисленные клочки волос, густо усевшие пол. «Как барашка остригла, – подумал он, ненавидя свою столь легко и скоро возникающую физическую привязанность, – как барашка! И ведь понимаю, а сделать ничего не могу, вот чёрт!»

Вышел на свежий воздух, потоптался на маленьком крыльце, борясь с желанием вернуться обратно в салон, попросить, чтобы и побрили заодно. Шагнул с крылечка вниз,

но далеко уйти не удалось, какие-то необыкновенные силы, растягиваясь резиновыми гужами, волокли обратно, и чем дальше отходил, тем сильнее тянуло назад. Сел на скамейку, вцепившись в неё ногами и руками, попробовал думать. Вот, пожалуйста: теперь он её раб, прикован нерасторжимо, посажен на цепь. Она ему нужна немедленно, такое жуткое ощущение, что невозможно терпеть. Он лишён свободы, жаждет и ненавидит её за это. Единственный выход – сорваться с проклятой звериной цепи, чтобы обрести утерянную свободу и снова стать человеком.

Или компромисс возможен? Если сейчас вернуться да предложить парикмахерше поехать с ним отдохнуть на Бали прямо сегодня, на полгода, интересно знать, – согласится? Кольца на руке нет, значит, не замужем или не сильно замужем. Разве не всё равно, где программировать: в хрущёвке чужого города, куда приехал просто для ознакомления с родной страной и где доживёт год, а потом переедет в следующую область, или на жарком тропическом острове, но в прохладе номера отеля с кондиционером? Нет, он слишком ненавидит её за то, что она только что с ним сотворила, чтобы жить вместе.

Сидел, сверяясь с часами, терпя до последней минуты, когда можно ещё не опоздать к стоматологу. Под конец достал из кармана монетку. Орёл – идти приглашать на Бали, а если не согласится, то... что-то делать, решка – топать к зубному врачу. Выпал спасительный зубной, который задаст ему сейчас такого жару, что не до парикмахерши станет. Перед глазами всё померкло от горя расставания. Он встал и осторожно зашаркал к автобусной остановке, пребывая в полной темноте.

– Так, у вас лечение, – улыбнулась женщина небольшого ростика, в голубоватом халате и голубоватых операционных штанах, голубоватой же шапочке. – Откроем ротик. С укольчиком? Аллергии нет?

Славик лежал на длинном стоматологическом кресле, в глаза светила лампа.

– Конечно, с уколом. Нет, нету.

– Работа с импортной пломбой обойдётся в две двести, с нашей – тысяча семьсот рублей.

– Делайте с импортной.

Когда обезболивание состоялось, врач с сестрой взяли за него на пару, с двух сторон. Стоматолог диктовала всякие страшные слова, от которых в венах стыла кровь, а медсестра записывала в карточку, лишь изредка уточняя самые-самые гадости. Надев на лицо пластиковое забрало, врач принялась пилить зуб, не больно, но противно, а сестра, разодрав ему рот, вставила шланг, и в одном режиме прыскала охлаждающей струёй воды, в другом отсасывала накрошившийся жидкий мусор. Затем медсестра убежала по своим делам, врач осталась одна. Шланг с водой теперь придерживал Славик, врач управлялась одна за двоих, как многостаночница советских времён. Конечно, ей было неудобно. Пришлось локтем левой руки упереться в предплечье пациента, другим в его грудную клетку, а самой возлечь сверху так плотно, что Славику трудно стало дышать, но он терпел и держал шланг.

– Не больно?

– Нет.

Она снова налегла. Включила свой бур, фонтан белой жидкости ударил ей прямо в лицо, защищённое маской. «Предусмотрительная какая, – восхитился Славик. – Профи. Но работка – ужасная. Ни за что бы не согласился таким делом заниматься, лучше бутылки собирать по мусоркам, однако необходимая». Он терпел и терпел. Она пилила и пилила, конца тому дуплу не было видно. Уже и неприятно, и больно. Иногда казалось, что врачиха сошла с ума от своей работы, пилит буром прямо в челюсть, не зря кровь струйками прыскает на маску. Наконец дала немного отдохнуть, сменила иглу в своём станке, попросила открыть рот и, примеряясь, снова прилегла на него. Бур завизжал в зубе, Славик закрыл глаза. Сквозь рубашку и халат он вдруг чувствовал, как по его твёрдой грудной клетке расплющилась её мягкая правая грудь. Раньше стоматолог лежала так же, но было как-то не до того, теперь он ощутил

её расплющенное тело, и даже удивился: бедная ты моя, да как тебе не больно? И на какие жертвы приходится идти врачу из-за сбежавшей медсестры, тискаться о чужого мужика-пациента буквально за гроши, хотя зарабатывает она, конечно, побольше парикмахерши. А всё равно по сравнению с ним – сущие гроши.

Открыл глаза. Под глухо надвинутой маской лица не видно, одни упрямо стиснутые тонкие губы снизу. Снова отдался чувствованию. И ведь не просто раздавила свою грудь в блин, ведь ещё при этом использует её для перемещения по нему. Надо немного ближе инструмент сунуть... о-о-о! на груди, как на воздушной подушке, перекатилась. И вправо, и влево. Небольшие, микроскопические перекачивания осуществляет за счёт своего нежного женского организма. Нет, это настоящий профи. Все силы, все возможности отдаёт работе, старается человек, чего говорить.

И ему необходимо дотерпеть до конца, долго ли, коротко, допилит, запломбирует, и полетит он сегодня же отсюда, куда только будет горящая турпутевка: хоть на Бали, хоть к чёрту в пекло, но с одним-единственным условием – подальше! И внезапно его осенило: это не средство передвижения по рёбрам катается, а женская грудь соединилась с ним! Принцесса на горошине! Так прижалась, как никто никогда прежде! Просто с невыразимой силой чувств, очень-очень приятно и страшно, невыносимо больно тоже. Куда она воткнула? Боже, какая боль, Аргентина – Ямайка, пять – ноль! Из глаза сама собой выкатилась слеза.

Бур перестал гудеть.

Стоматолог сняла маску. На вид ей лет тридцать пять. До этого Славик ни разу не посмотрел в лицо врачихи, не боялся, а просто не глядел и всё тут, чего глядеть... ещё рассердится, а теперь разглядывал, и с жадностью. Глаза оказались чёрными, блестят как маслины в вине, кожа... желтоватая, но ещё не увядает, нет, очень приятное лицо. Для него лично – красивое. Теперь.

– Ну, вот, довела мужчину до слёз, – произнесла врач с явным сожалением, – и вроде не должно обезболивание пройти, рано. Ещё укол поставить? Делать всего ничего осталось.

– Нет, продолжайте.

Женщина вздохнула, надела маску. Они вновь крепко-накрепко соединились.

Боль осталась контрастным основным фоном, благодаря которому тайное постороннее наслаждение увеличилось стократно, и превзошло страдание по силе воздействия. Не надо больше замораживать, делайте своё благородное дело, продолжайте, нам чудесно. Потом она готовила цемент, и когда замазывала дупло, прилегла только слегка, чуть коснулась мягким содержимым, как бы прощаясь. Славик растрогался чуть не до слёз.

– Вставайте понемногу, голова не кружится?

– Нет.

– Здесь присядьте, снимите бахилы.

И ушла!!!

С нежной улыбкой на устах он оплатил требуемую сумму, регистратор подумала, что это выходят остатки обезболивающего. А то были остатки неведомых прежде чувств. И уйти сразу тоже оказалось невозможно, присел в холле на банкетку. Его не отпускало.

Будто догадываясь о том, из глубины кабинетов вышла в смешном голубом одеянии инопланетянки его женщина-стоматолог, молча села рядом. Нога к ноге. Поверх положила большой рекламный альбом, и начала подробно объяснять, какие у них в заведении ещё есть процедуры за умеренную плату, которые ему желательно было бы пройти.

Славик слушал онемело. Неотрывно смотрел сверху вниз мимо альбома на голубой халат, то его место, под которым пряталась правая грудь, которая могла делать с ним (вкупе со сверлом, разумеется) совершенно умопомрачительные вещи. За время, пока она листала альбом, благодатное место боли-желания заняло мстительное чувство желания-ненависти, и вслед ему захотелось бросить инопланетянку на то же самое кресло, сорвать голубые одежды и сотворить

нечто ужасное, подобное тому, что только что творила она. Выпилить, выдробить, вырезать, выдавить из неё слезы, стоны, и одновременно с этим долго и страстно любить. А потом невыносимо жалеть. Прижать к себе и не давать умереть, терзая в объятиях, пусть поймёт, насладится, как жутко приятно страдать и мучиться в руках нежного садиста!

В общем и целом чёрт знает что за чувства обуревали отмерзающего Славика. Кратко поблагодарив врача, кинулся к двери и без малейшей задержки выскочил вон. Бежать. Бежать отсюда как можно дальше. Хорошо, что проект сдан, ой как хорошо! Он свободен и убежит очень далеко: в прерии, саванны, Тибет, на Мадагаскар. Лучше всего, конечно же, в Мексику. Там нет стоматологов, жизнь течёт простая: одни колючие кактусы и сладкая текила. Хорошо бы нажраться по-чёрному той текилы до такой степени, чтобы всё навсегда забыть о своей прежней жизни, потерять память, как нередко случается с героями мексиканских сериалов!

Меж тем день пребывал в полном разгаре. Часа три, или около того. Дороги переполнены фырчащими стадами разномастных иномарок, тротуары сотнями прохожих, среди которых женщины явно преобладают: они высыпали на субботний забег по магазинам. Молодой человек с внешностью электрика-подмастерья влился в плотный поток и заспешил куда-то вместе со всеми прочими торопливыми телами. По жаркой погоде большинство гуляющих одето чрезвычайно легкомысленно, будто вокруг бразильский карнавал откровенной плоти. Ему почему-то не хотелось видеть оголённых тел, наверное, из-за зуба, который вдруг сильно занял напоямином и угрозой, пришлось выбрать для обзора толстую фигуру в чёрном платье, ведущую за руку мальчика. Мамаша с ребёнком – вот она, долгожданная идиллическая картина, бесконечно дорогая сердцу всякого цивилизованного человека.

Он шёл и смотрел. Чёрное траурное платье с большим вырезом на боку, в котором всё время слишком сильно обнажается белая нога. Не мелькает чуть-чуть, привлекая ленивое мужское внимание, а натурально вываливается, ровно мясо из кошёлки, и молодая полная женщина лет тридцати будто запинаясь при этом, жутко смущаясь. Ещё, наверное, и кучу денег с неё содрали в ателье, уверяя в модности нелепого одеяния, а всучили дрянный, натуральный брак, но уверяли при этом слащавыми голосами, что смотрится хорошо, очень хорошо, а на улице в дневном освещении – так просто залюбуешься! Теперь-то несчастная понимает, что её надули самым наглým образом. Вон как покраснела, борясь с вырезом, который при малейшем движении оголяет всю её толстенную незагорелую ногу целиком и полностью, сверху донизу. Выставляет напоказ, будто фальшивый окорок на витрине бакалеи-гастрономии.

Раньше надо было думать, милочка, на примерке. И с весом давно пора бороться. А впрочем, нет, враньё, покраснелась она исключительно из-за жары, а так идёт довольно бойко, даже гордо щеголяет своей здоровенной ножицей на фоне прочей траурности наряда. Он шёл следом, смотрел, молча возмущался: и как человек не понимает? Самое ужасное заключалось в том, что, демонстрируя окружающим свою ножищу, она в то же самое время за руку ребёнка тащит, мальчика лет шести, не в мамашу худенького, в сером костюмчике.

«Зачем? – недоумевал Славик. – Зачем тебе это надо? К чему вдруг нога напоказ? Сама прекрасно знаешь, что смотришься глупейшим образом в платье с разрезом. С такой фигурой и такой разрез, с ума сошла?»

Но самое-самое ужасное совсем даже не в ней заключается, а в нём! Что идёт следом, уставившись в этот дурацкий вырез, ждёт мига, когда появится нога: икра, колено, потом всё огромное бедро обнажится, и чем больше ругается при этом, тем более заинтересованно наблюдает, запутываясь взглядом в чёрном платье, как в сети. Ему поставили ловушку, и он попался, не успев сообразить отчего. С ней как раз всё совершенно ясно, она хочет, чтобы он захотел её, сделался самцом, обычным зверем, и бежал за ней безостановочно хоть на край света. Неожиданно все трое оказались в магазине игрушек. Женщина с ребёнком выбирали машинку, он стоял рядом и дышал. Продавщица начала что-то советовать ему, приняв за сопровождаю-

щего. Ощувив близкое присутствие постороннего, неизвестная в трауре крепче сжала сумочку с кошельком, но, ещё раз глянув и убедившись, что внимание незнакомца приковано к разрезу на платье, тотчас успокоилась, приобретя ещё более величественный вид. В магазине шумели кондиционеры, было прохладно. Он надеялся, что жар из головы схлынет и всё обойдётся. Удивительно, что зуб стих, заморозка давно кончилась, надорванные края губ ощутимо ныли. Они вышли на улицу, прямо к автобусной остановке.

Славик стоял в непосредственной близости, недоумевая: зачем она ведёт ребёнка, если вздумала привлечь его? Если бы ребёнка не было, он смог бы заговорить, хотя нет, говорить Славик уже не в состоянии, а тем более уговаривать. Женщина решительным движением вбросила мальчика в битком набитый автобус, встала на вторую ступеньку, он следом за её ногой успел запрыгнуть на нижнюю, дверь стукнула ручкой по спине. Нос вдавился в её спину и хрустнул. Тело под платьем оказалось горячим и липким, оно приторно пахло духами. Отворотил нос в сторону, прижался щекой. Автобус то и дело резко притормаживал, народ швыряло из стороны в сторону. Одной рукой женщина держала где-то впереди себя мальчика, другую подняла вверх, пытаясь схватить выступ над дверью. Славик крепко обнимал её за обширную талию, тянул к себе и прижимался сам. Она некоторое время ещё пыталась отдалиться, но после очередного рывка автобуса, вдруг вся разом навалилась на него сверху, легла, припечатав насмерть к двери. Для Славика такое счастье оказалось полной неожиданностью, он обмяк, распятый на дверной ручке.

Раздавив центнером массы, она делала благое дело – уничтожала, умерщвляла зверя, которого недавно создала одной левой и который даже в полу-бездыханном состоянии продолжал цепляться за могучие бёдра. К счастью, дверь открылась, сошло множество народу, Славик с женщиной тоже. Зверь мигом воскрес. Он пропах её духами, сделался липким. Через футбольное поле направились к панельной девятиэтажке. Шёл след в след и думал, что, если бы не мальчик, непременно набросился на неё вон у тех гаражей, заросших густыми клёнами, и утащил в заросли за белую ногу.

Когда женщина с ребёнком бросились к подъезду, неохотно приостановился, всё ещё кровожадно следя за крепкой белой ногой, легко несущей обширное молодое тело в пространстве, как будто незаконно забирают честно обещанное. На обратном пути очень торопился, боялся не успеть. Субботний день короток. Успел, но ему не повезло. Или наоборот, повезло, с какой стороны смотреть. Несколько мужчин и женщин выходили из дверей стоматологического заведения. Среди них – его врачиха, Славик мгновенно высмотрел её и сжал кулаки. Они расселись по машинам и уехали, он проводил их мутным взором. Эта достала его больше всех, она должна была ответить по полной программе, жаль, что ускользнула. Очень жаль.

Салон красоты работал дольше стоматологии ровно на час. Коротая время, облюбовал скамеечку подальше, откуда неотрывно разглядывал входную дверь, ровно кот мышиную норку. Приходили и уходили клиенты, Славик терпеливо ждал. Ровно в час закрытия из дверей выскочили четыре девицы. Он насторожился, рассмотрел среди них утрешнюю парикмахершу: с неё всё началось, ею, видимо, и окончится. Встал, приготовившись к долгому кропотливому преследованию, но странное дело: три человека пошли в одну сторону, а одна, та, которая ему нужна для прекращения безумия, в другую, причём в его направлении. Он опустился на скамейку, склонил голову, затаился. Удача сама бежала в руки.

Но уж прямо-то в руки – не бывает.

Процокала каблучками мимо, не обращая внимания, остановилась, развернулась и спросила ехидно:

– Кого ждёшь?

– Тебя.

– Я давно заметила, ты здесь уже с час торчишь, правда?

– Правда. Садись, посидим.

Парикмахерша осторожно присела. Он сразу обнял, крепко прижал к себе ненавистное тело, обладавшее непомерной властью над его существом. Она не сопротивлялась. Без синего халатика выглядит немного другой. С такой он может разговаривать, не то, что с прежней, но думалось по-прежнему замедленно, пока выбирал, куда её пригласить, в кино или кафе, она начала первая:

– Утром был хмурый, когда стригла, бука букой, а сейчас ничего, улыбаешься.

– Да, – подтвердил Славик, – настроения не было. С девушкой поссорился, пару недель назад расстались. А у меня день рождения сегодня, двадцать шесть стукнуло. С тобой хочу отпраздновать. Давай?

– А родственников нет, что ли?

– С ними тоже в ссоре.

– Какой сердитый. Один живёшь?

– Нет, с родственниками.

– Врёшь ведь, с женой, поди, и детьми. Ладно, не оправдывайся, поехали ко мне. Только купи вина и фруктов, будем праздновать твой день рождения.

Парикмахерша встала, Славик посмотрел на её туго обтянутые бёдра очень сердито. На базарчике купил всё, что требовалось, она не ходила с ним по рядам, ждала на выходе. У себя в комнате общежития парикмахерша принялась нарезать буженину красивыми пластинками и раскладывать по тарелке. Славик стоял сзади, крепко обняв за талию, и думал, что теперь всё удачно получается. Никто его с ней вместе не заметил ни в доме, ни возле подъезда. Можно сделать так, что никто не увидит, как он уйдёт. Причём сделать прямо сейчас, пока ненависть чиста и тверда, как ледяная глыба. Мёртвая, она потеряет власть над ним. Он перестанет чувствовать себя посаженным на цепь зверем, обретёт человеческую независимость.

– Ты мне ещё утром понравился, – сказала безымянная парикмахерша, повернув неприятное лицо, – такой молодой, а уже серьёзный. Только тормозной маленько.

Славик старательно улыбнулся.

«Врёшь, – подумал он, – всё врёшь! Утром балдела от безнаказанности, зато сейчас получишь конкретно по заслугам».

В городе он не прописан, паспорт никому не предъявлял, и, значит, как бы здесь и не существует. С ней прежде не пересекались, ни в какой её записной книжке не значится. И ни к чему в комнате пока не притронулся. И притрагиваться не будет. Пора делать дело и уходить. Правда, теперь он ненавидит и хочет её чуть поменьше, чем утром, и гораздо меньше, чем ту, с вырезом, но все равно: освободиться от беспредельной власти может лишь убив. Другого выхода нет.

Поморщился, рассмотрев близко влажную шею с дешёвенькой цепочкой. Оглянулся по сторонам в поисках увесистого предмета. Надо разом, чтобы шлёп – и нету. Парикмахерша, словно почувствовав, обернулась.

– Включи музыку, выбери что-нибудь танцевальное.

Славик направился к магнитоле. «Останутся отпечатки. Ничего, сотру после». Включил и автоматически навёл волну своей привычной радиостанции, утром передавшей ему шоколадного зайца. Из города сразу уехать на междугороднем автобусе, в кассах паспорт не спрашивают. Хозяйке оставить записку, что убыл в командировку и больше не вернётся, все вещи оставляет в подарок. Она зайдёт в квартиру через несколько месяцев, по окончании срока, и будет очень рада. Взять только ноутбук. А из другого города улететь на Бали, нет, лучше всё-таки в Мексику. Года на три. Вот такой получится шоколадный заяц.

– Чего молчишь, рассказал бы что-нибудь весёленькое, – парикмахерша достала из шкафчика рюмки.

«Раз подарила песню, значит, обязательно придёт сегодня! – вдруг догадался Славик. – Деньги все, конечно, истратила, поэтому разденется и будет лежать на площадке до посинения. А меня-то дома нет!»

Он молча направился к двери.

– Ты куда? Сигарет купи!

Вышел из подъезда, с сожалением вспомнив, что не стёр отпечатки с магнитолы, и бросился бежать. «Лежит, конечно, лежит там опять...» Вверх по лестнице на свой пятый этаж скакал бешеным австралийским кенгуру, на четвёртом не выдержал, глянул вверх. Сверху на него смотрела Вика, но не голая, а совсем наоборот: в белом летнем лёгком платье, белых туфлях, и при сумочке, тоже белой, с новой причёской. Он и не догадывался, сколько можно всего закупить на китайском рынке за пятьсот долларов. И не знал пока, что в дополнение ко всему под платьем тоже белоснежное бельё. Полный комплект в подарок. Она стояла, облокотившись на перила, смотрела, как он скачет. Задержав дыхание, Славик перешёл на медленный шаг.

– Привет, с днём рождения!

– Привет, спасибо.

Прошёл мимо. Вставил ключ в замочную скважину. Обернулся.

– Слышь, кстати, не хочешь на пару недель смотаться... на Бали?

Вика подумала, что он намекает на истраченные доллары, отшутилась:

– Для начала лучше в Египет.

Открыл дверь:

– Ну, в Египет так в Египет. Заходи.

Дверь закрылась. Через минуту раздался протестующе-пронзительный женский визг, хорошо слышимый на лестничной площадке и в смежных квартирах:

– Ай! Ма-нь-яяя-к! Маньяк проклятый!!!

Более всего Славик, не зная того сам, был душевно благодарен низкорослым молоденьким вьетнамкам, похожим на девятилетних девочек-подростков, живших в подсобном подвальном помещении камеры хранения китайского рынка, здесь и работавших. За тот великолепный треск и лёгкость невероятную, с какой рвалось под его руками элитное, невыразимой красоты женское нижнее бельё от самых лучших итальянских фирм, пошитое их миниатюрными тонкими пальчиками.

ДЯДЮШКА ЖО И ЕГО БРУТ

Она любит нападать внезапно, например, когда принимаешь ванну и от горячей воды сверху поднимается пар. Стоит при этом немного расслабиться, намылить лицо, голову, тут и жди неприятностей – кинется сверху молчком, острыми когтями вопьется в шею, расцарапает до крови мокрую спину, особенно болезненны тычки с размаха куда-нибудь в лицо или плечи. Льет на влажное необыкновенно. Вставать в полный рост, находясь в ванне, давно никто не смеет, ибо при наличии горячего, мокрого тела, пребывающего практически в ее трепещущих объятиях, Финюша дуреет, и, стало быть, уберечься от яростных атак в принципе невозможно. Когда стены комнаты имели беленую известью поверхность, за мгновение до нападения слышался стремительный шелест, но после того, как их выложили гладкой плиткой, все происходит в полной тиши, если, разумеется, не считать плеска воды и собственного вскрика. Привыкнуть к этому невозможно.

С коварством пленницы-дикарки долгие годы живущей в чужом доме, она мстит всем подряд без разбора, несмотря на то, что давно уже стала почти членом семьи. Испортился характер от долгой жизни в темноватой комнате с одним наглухо закупоренным окном, выходящим на запад без солнечных лучей, яркого южного неба и горячего ветра. Что касается меня, вот честное вам слово, выпнул бы вон за дурное поведение со страшным треском прямо на сибирский мороз, и даже не расстроился ни капельки, если бы тому всеми силами не препятствовал дядюшка Жо, который сам-то давно сменил квартиру, оставив за нами право трепетать при посещении ванной комнаты, но, заметьте, каждый раз при встречах неизменно интересуется судьбой своей воспитанницы: «Как там моя Финюша поживает?».

Летом Жо приходит довольно часто, зимой сам сидит пленником Деда Мороза безвылазно в девятиэтажной панельке, как в крепостной осаде, не высывая носа даже на балкон. Тем не менее, зимние встречи с дорогим Жо – лысым старичком на седьмом десятке, обладающим лицом дерзкого, смышленного шимпанзе, происходят весьма регулярно: в пятницу после работы я покупаю и заносу им продукты на следующую неделю. Физиономия дяди в многочисленных глубоких морщинах, красновато блестит, зубов раз два и обчелся, дыхание с гармошечным сипением и пересвистом обмороженных бронхов.

Как-то, в бытность свою молодым прорабом, принимал он активное участие в эксперименте по непрерывному бетонированию тела плотины в зимних условиях. Две недели морозов за сорок градусов удачно совпали с самым ответственным этапом проекта, и в те дни дядя практически жил на плотине, согревая ее не только специальным излучением, но и теплом своей души, благодаря чему (по его мнению) эксперимент удался на славу. Только сам излишне переохладился, сделался чувствительным даже к небольшому холоду, наподобие того, как однажды обгоревший человек с трудом переносит обычный жар печи, возле которой ему приходится ныне велением судьбы работать поваром. Очередная зима добавляла новые ожоги, пока лицо Жо не набрякло и окончательно не покоробилось, сделавшись похожим на скальп, что бравы английские солдаты сняли еще с живого краснокожего, а потом, по приказу начальства, вернули обратно, натянув чулком не вполне верно. Косовато сидит, отваливается кожа у глаз, торчит красное мясо и рот, будто порванная дыра – сразу видно не старались вражьи души, не хотели сделать толком, так, смеха ради исполнили приказ, чтобы еще сильнее поиздеваться над несчастным аборигеном. И это несмотря на то, что Жо после первой плотины кутался будто кабинетная мадам, уже при минус двадцати в сто одежек, тридцать застежек, от горла до глаз заматываясь шерстяным шарфом, сверху шапку с опущенными ушами натягивал по самые брови – лица не видать. Разве так должен выглядеть бравый строитель коммунизма?

Смехота одна, ей богу. Карьера, естественно, не заладилась, прорабом и остался на всю жизнь, а значит, круглый год на свежем воздухе. С выходом на пенсию объявил во всеулыша-

ние, что в морозы на улицу больше ни ногой. Серьезная зима у нас тянется полгода, дядя Жо в своих решениях устойчивее египетской пирамиды, таскать продуктовые сумки взялась тетя, и неудачно: упала на льду, серьезно повредив ногу.

Не трата времени даром, отдаю на кухне заказанные пакеты, после чего мы с дядей тотчас усаживаемся за стол выпить водочки по какому-нибудь календарному случаю, полистав для порядка численник туда-сюда, и выбрав самое знаменательное, на наш совместный взгляд, событие. За произнесение сопутствующих речей отвечает Жо. Бывалым лыжником впрыгивает он на укатанную тропу преданий старины глубокой из области моего золотушного детства, широко растопыряет палки в стороны, и начинает погонять.

Радостно волнуясь при первых звуках бульканья водочки, дядюшка ведет рассказ дрожащим слезой голосом, будто я сотворил все свои проделки не далее нынешнего утра, ну в худшем случае – вчерашнего. Тетушка подмигивает: молчи, пусть выговорится.

Обычно река воспоминаний проистекает из давнего случая, как в раннем детстве чертов племянник наградил дядю Георгия-Геру-Жору новым именем Жо, обретя тем самым незаконное и, очевидно, дьявольское право распоряжаться его судьбой, чем определил нынешнее незавидное положение любимого родственника. «Ваше здоровье, дядюшка Жо!» Конечно, никакой дьявольщины с запахом серы нет и в помине. Просто оставшись трех лет от роду без детского сада, ребенок был поручен единственному в семье безработному человеку: студенту, будущему строителю. Кое-что из того времени я помню даже сейчас, посеми не позволяю Жо врать совершенно напропалую. Отдельные картинки крутятся в голове, про то как дядя-студент таскал меня с собой по своим взрослым делам, а иногда даже отказываться от этих самых дел, когда ему звонили по телефону:

– Сижу с ребенком, – говорил он грустно в трубку и девичий голосок на другом конце длиннющего телефонного провода начинал вякать, мякать, лепетать, пока не стихал окончательно.

После такого разговора дядя обычно щелкал дитя по лбу, произнося веселым, неунывающим голосом: «А не сходить ли нам в кино, Арлекино? Где твоя белая панама?» Еще он называл меня Братом Аврелио, Сыном тибетского ламы, Квазимодо Прямоходящим, в разное время по-разному, исходя из собственного настроения. Обращение Арлекино значило, что Жо перехватил сегодня от кого-то из членов семьи трешницу или пятерик за то, что гробит молодые годы в няньках, и мы сейчас с ним на пару загуляем. А может даже и не на пару. Я все это распрекрасно понимал, несмотря на юный возраст, тер лоб, распахивал пошире наивные глаза, которые в детстве выглядели чрезвычайно большими, даже взрослые девушки, встречавшиеся нам на улице, говорили друг другу, показывая на меня пальцем: «Смотри, какие огромные глазници!». И тут же интересовались у дяди:

– Молодой человек, это ваш ребенок?

Жо солидно, без тени сомнения в голосе, отвечал:

– Конечно мой, чей же еще? Нравится? Тогда давайте знакомиться. Меня зовут... Мальчик, как меня зовут?

– Дядя Жо.

– Видите, ребенок врать не станет.

Так мы знакомились с девушками и забирали их с собой. У нас с дядей Жо образовалось великое множество приятельниц, по выражению мамы, недовольной обилием звонков, приходящихся на один старый телефонный аппарат, – полгорода. Справедливости ради стоит сказать, что одиноко гуляющие девушки ни разу не обратились к нам с подобным вопросом, хотя, я видел, косили в нашу сторону сплошь и рядом. А вот парочка хохотушек мимо не пройдет, ишь, как заливаются, сейчас обязательно спросят, можно даже не сомневаться. Если дядя при деньгах, в мире не существует человека щедрее: кроме билетов в кино, он всем и мороженое перед сеансом купит и лимонадом с пузырьками угостит. Приятно вспомнить, как весело

похрустывая вафельными стаканчиками, мы гордо входили в зрительный зал, где рассаживались на строго отведенные места.

Ребенка дядюшка Жо мигом определял на колени одной из девушек, дальней от него, а руку ближней забирал себе, будто боялся темноты зрительного зала. До сих пор для меня остается загадкой: как он выбирал кому что, но ни разу ни одна из девушек не возразила, я тоже помалкивал. Бывали случаи, когда мы оказывались в кино без пары, тогда бедному дядюшке приходилось держать меня на собственных коленях, потому что с сидения мне все равно ничего не видно, кроме больших спин впереди сидящих граждан. Естественно, с девушками ходить в кино много приятнее, у них и колени мягче и нервы крепче, они не шипели поминутно: «Чего ты тут рассопелся?», – это когда я всего-навсего слегка задремал от скуки. Признаюсь, в темноте зрительного зала мне (ныне с трудом верится) и с девушками обычно делалось скучно. Однако в отличие от других детей, попавших на сеанс, я не уросил, не просил громко шоколадку, не орал противным голосом: «Хочу домой! Пошли домой!», как сплошь и рядом происходило где-то в непосредственной близости.

Когда в зале вдруг поднимался детский вой и плач, девушки ошутимо твердели подомной в предчувствии аналогичного поведения, и тогда дядя Жо их вовремя ободрял: «Вы не беспокойтесь, он у меня дрессированный: сейчас уснет». И правда, обняв свою девушку за тоненькую талию, прижавшись щекой к ее груди и немного посопев, я тотчас засыпал сном блаженного. Мне снились лиричные, мягкие, нежные, удивительно приятно пахнущие сны, каждый раз иные, переплетавшиеся с загадочными голосами героев и героинь фильма, какие-то голубоватые пространства, в которых я легко путешествовал, и просыпался всегда в настолько приподнятом настроении, что весь остаток дня чувствовал себя неизменно превосходно, какими бы презрительными кличками не награждал меня дядя Жо, пытаюсь разбудить по окончании сеанса.

Не знаю, что испытывали девушки, совершенно безбоязненно прижимавшие к себе постороннее, горячее, мгновенно засыпавшее дитя, с липкими после сливочного мороженого губами. Весьма возможно то были некие новые для них, неизведанные еще материнские чувства, потому что руки их не желали отпускать меня и после того, как свет зажигался, когда все, шумно хлопая сидениями, вскакивали, торопясь покинуть зал до того, как на выходе возникнет толчея. Они не спихивали сонного ребенка с колен на пол, как обычно делал дядя Жо, не поднимали за шкуру, ставя в проход. Напротив, смотрели на дядю, отрывающего меня от них возмущенно, как невольницы на жестокого работорговца-разлучника. Да, они расставались со мной с явной неохотой, я видел это. Мои девушки впоследствии никогда не звонили дяде Жо, хотя, в конце концов, не их же руку он забирал на целый сеанс.

Заглядываю в слезящийся глаз старика, похлопываю его с родственной теплотой, благодарностью и грустью. Милый, добрый дядюшка Жо, он не получал и десятой доли тех удовольствий, что дарили мне блаженные сны! Ну подержит за руку сеанс, ну созвонятся потом, прогуляются вечером и, как правило, на этом сюжет оканчивается, то есть начинается следующий. Объявляется новый поход в кино. «Жо – ветреник!», – делали вывод обиженные девушки, да и родня, с течением времени, была вынуждена с ними согласиться. Но неправы, ох, как неправы все они были! Не понимали, глупенькие, что у человека может быть заветная мечта, к которой он стремится будто неустрашимый парусник к горизонту.

Говоря так, я вовсе не оправдываю Жо. Увы, с мужчинами сплошь и рядом случается подобное. Живет он год с той мечтой в голове, два, десять, жениться все недосуг, да и не укладывается в грандиозные планы женитьба, а потом, глядь, и на пенсии оказался с красной рожей, лысый, и на улицу боится выйти, чтобы стариковская кожа не треснула по швам от благодарной улыбки на морозе, когда поднимут добрые люди после падения на скользком месте, шапку отряхнут и обратно на лысину нахлобучат. И все. Таков удел наших мечтателей.

А по молодости был очень хорош. Тетушка и сейчас нет-нет, да перелистывая альбом, воскликнет чувственным голосом: «Господи, неужели это ты?». Конечно же нет, не вполне, чтобы Господи, но где-то рядом, по образу и подобию. Я налил дяде, тете, себе и предложил выпить за мечту. Жо тотчас кивнул, опрокинул рюмку, посмотрел вдаль, вернул взгляд на меня, понюхал кусочек хлеба и нахмурился, хотя я в отличие от него уже в раннем детстве прекрасно понимал, что все девушки хороши без исключения, и глупо манкировать ими, как делают некоторые. Помнится, в один момент у меня вдруг сложилось впечатление, что дядя Жо эксплуатирует мои внешние данные в своих личных интересах. Я даже сердился на него некоторое время, право. Слава богу, по мере того, как извилины начали укладываться в верном направлении, применяя новые для себя правила логики, не без горечи осознал, что это не вполне так.

Ведь гулял я не только с Жо. По выходным дням родители брали меня за руки, и вели куда-нибудь в кукольный театр, или на детский кинофильм, и хотя кругом девушек было тоже пруд – пруди, ни одна самая развеселая хохотушка даже не вздумала объявить подружке: «Смотри, какие глазищи!». Значит, дело не во мне, – догадался я, – значит дело в прическе дяди Жо. И это была истинная правда. В лучшие времена у дяди Жо надо лбом вились три красивые волны. Чтобы сочинить себе нечто подобное, маме приходилось тратить перед выходом на важное мероприятие два часа, и в это время к ней было лучше не приближаться.

А дяде Жо достаточно слегка провести расческой по голове и пожалуйте, все в лучшем виде на целый день вперед. Волосы у него жесткие, фиксированные, ветер их не сдувает. После посещения парикмахерской остается лишь одна волна, тогда мы ходим с Жо в кино на пару, никто к нам не пристаёт. Затем вырастает вторая, девушки начинают интересоваться моими глазами через раз, ну, а с третьей волной, дяде приходится раскошелиться на полную катушку в каждом культпоходе. Что говорить, по отношению ко мне он в молодые годы вел себя весьма лояльно, за это я его и теперь люблю и уважаю, а Жо меня – нет. На то есть свои причины. Увы, первые седые волосы в трех волнах дядя заполучил весьма рано и действительно из-за Квазимодо Прямоходящего, хотя по собственной инициативе, решив купить племяннику на день рождения настоящий фонарик с плоской батареей.

По всему городу в то время расползлись совершенно невероятные слухи, будто бы в некоем окраинном магазинчике выбросили в продажу электрические фонарики – страшный, просто невиданный доселе дефицит. Сроду ничего подобного на прилавках не показывали, а тут вдруг – нате вам! День продают! Два продают!! Три продают!!! А фонарики все не кончаются, невероятная история! Большинство моих товарищей по уличным играм уже заимели розовые перламутровые штуки, только я один, будто круглый сирота, по вечерам гулял без собственного освещения. Сколько шишек и синяков набил – страшно вспомнить, а родителям все некогда сходить, постоять в очереди часика три. И вот в конце той волшебной недели добрый-предобрый дядя Жо ударил себя в грудь: «Для родного Арлекина ничего не пожалею!», – и мы двинулись в путь.

Добирались страшно долго. Магазин оказался бревенчатым, одноэтажным, крашенный зеленой масляной краской, и расположен у черта на куличках. В подобном амбаре у нас хлебом торгуют на улице Пролетарской. «Нет, не такой должен быть магазин с чудесными фонариками!», – почудилось мне сразу, но, увы, ничего более подходящего рядом не обнаружилось. Приблизительно с час мы упорно стояли в очереди на улице, будто и правда за хлебом. Дело происходило жарким летом, я устал, но еще очень хотел иметь фонарик. А когда пришла пора затискиваться через порог внутрь, в плотно набитое человеческими телами помещение, дядя Жо не решился взять меня с собой в толкотню на муку мученическую, сказал: «Жди здесь, возле дверей, никуда не уходи», после чего наморщившись, влез в темноту внутреннего пространства, будто в грязное болото с крокодилами.

Честно говоря, я ждал его долго, очень долго. Наверное, часа два или три, а может и все пять, но дядя в обратную сторону так и не явился. Я устал стоять и глядеть на дверь. Мне было страшно жарко на горячем песке меж чужого люда. Потом пришел настоящий страх, что я никогда больше не увижу Жо. Захотелось убедиться, что его не задавили во внутренней толчее, поэтому я стал ходить вокруг магазина, заглядывать в двойные окна, меж рамами которых имелись еще и решетки. Окна, как на грех, такие пыльные, что ничегошеньки сквозь них не видно, наверное, специально против воров так сделано, но я все равно ходил и заглядывал. Потом вернулся к дверям и замер у крыльца в тревожном ожидании, нервно вздрагивая, как потерявшая хозяина собачка.

Иногда из дверей, как с поля сражения, вырывались в обратную сторону мокрые, растерзанные мужчины, отцы семейств в разорванных на груди рубахах, без пуговиц, сжимающие в руках вожделенные фонарики. На них (мужчин) страшно было глядеть. В нынешних обстоятельствах фонарик уже не казался лучшим подарком на день рождения. Если бы раньше кто сказал, с каким трудом придется его добывать, с какими ужасными потерями, ни у кого бы ничего не просил, не нужен мне ваш фонарик, отдайте моего дядю Жо! По сравнению с этими измочаленными, но все равно внешне крупными мужчинами, дядя Жо смотрелся мальчишкой, и если уж эти чуть живы, то он давно там погиб. Поэтому и не выходит, растоптали моего Жо по полу и ходят по нему, а некоторые стоят на бездыханном теле, на голове, на трех волнах.

Последняя картина так ужаснула детское воображение своей катастрофичностью, что я затрясся от страха и чуть не расплакался, но вовремя себя успокоил: нет, слишком ужасно, такого быть в принципе не может. Скорее всего, Жо вырвался из двери обратно именно в тот момент, когда я обходил магазин, заглядывая в окна! Конечно же он давно вышел, искал-поискал, не нашел и решил, что я ушел домой и сам поехал туда! Я оглянулся по сторонам. Где находится дом? Куда идти? Расспрашивать окружающих не только бесполезно, но и опасно: только попробуй! Видел я этих потерявшихся на улице детей: их тотчас обступала плотная толпа прохожих и давай выяснять: кто папа, как зовут маму? И уже не отпустят, сдадут в милицию!

Нет, чтобы не подводить дядю Жо, надо искать дорогу самому. А как, когда кругом совершенно неизвестное место и даже приблизительно не ясно в какую сторону идти, чтобы попасть домой? С дядей Жо мы ехали сначала на трамвае, потом на автобусе. Маршрутных номеров я еще не знал. Надо было, однако, что-то предпринимать и я направился в ту сторону, где по моему внутреннему чутью должен находиться родной дом. А на самом деле удалялся от него мимо длинных заводских заборов уже совсем за город. Потом вдруг оказался на перекрестке четырех широченных асфальтированных трасс, наполненных большими машинами и остановился в нерешительности: дальше куда? Из двух направлений еще мог выбрать интуитивно одно, перед четырьмя внутренним штурман спасовал.

И тут вдруг, весьма кстати, в глаза бросился маленький голубой домик, который я всегда любил разглядывать, когда автобус, на котором мы ездили в свой мичуринский сад, тормозил на остановке возле. Ах, как я ему обрадовался! От него оказалось совсем нетрудно взять правильное направление движения. Потом встретился знакомый мост, под которым проезжал автобус, затем трамвайная остановка, на которой мы сходили и вот по этой трамвайной колее я помчался, как засидевшаяся гончая по следу. Знакомые приметы попадались все чаще и чаще.

– Давай выпьем за своевременную ориентацию в жизни! – поднимает тост дядюшка Жо, при этом глядя на тетю.

Конечно, он имеет в виду вовсе не тот голубой домик. Бедный дядя! Что ему пришлось пережить! Когда я вернулся домой, никого в квартире не оказалось, дверь закрыта. Поэтому ушел играть в соседний двор, где вместе с друзьями залез на сарай, с крыши которого удобно объедать поспевшую ранетку. Хозяева ранетки в тот день разрешили нам делать это. Я здорово проголодался и потому задержался на сарае до позднего вечера, не зная, что дядя Жо прибежал

домой, и не найдя меня снова поехал к магазину накручивать круги поисков, которые ничего не дали, в результате пришлось в милиции написать заявление, что у него пропал ребенок. До глубокой ночи несчастный нянь бродил по дворам и чужим подъездам, опрашивая всех подряд: «Вы не видели здесь мальчика в белой панаме приблизительно четырех лет?».

Я уже спокойно спал на своей кровати, позабыв за ранетками да играми о дяде Жо и фонарике, а он все где-то искал меня. Когда мама открыла дверь Жо и сделала сердитое лицо, собираясь попенять, с чего это он так поздно начал шляться, тот вымолвил первым: «Убивай меня, я потерял его».

– Кого? – испугалась мама.

Пережив невероятный стресс, Жо проспал целые сутки. Нервное потрясение не прошло для него даром, объявившись седыми волосами в прическе. Дядя Жо так сердился на меня после того фонарика, что напрочь отказался нянчиться и даже ходить в кино. Впрочем, у него появилась на то уважительная причина: он окончил институт и получил направление на стройку. Теперь ему, как и всем, тоже стало некогда со мной возиться. Но нет худа без добра: я угодил в детский сад, где очень скоро во мне открылся талант юного рисовальщика.

Дело было так: воспитательницы раздали всем листки с карандашами и приказали в срочном порядке нарисовать Снегурочку, иначе она к нам не придет и Деда Мороза не приведет. Сами же, как всегда, занялись разговорами. Я нарисовал Снегурку довольно быстро, для правды жизни двумя дугами подчеркнув то место, на котором удобно спать в темноте зрительного зала. Моя работа произвела на воспитательниц странное впечатление, меня долго и с подозрением разглядывали в упор сверху вниз, будто я спрятал перед прогулкой чьи-то штаны и не желаю в том признаться. Наконец пожилая нянечка спросила: «Зачем ты нарисовал это?» – «Так оно же есть, – удивился я, – а рисовать надо похоже». Оказывается, я, в моем пятилетнем возрасте не должен был этого видеть! Не замечать очевидного? Что за странности?

М-да. Трех волн на голове дядя Жо нынче нет, двух тоже, даже одной-единственной не осталось, ветхая лысина светится в электрическом свете люстры. Дядя Жо грозит мне пальцем, говорит свои обычные речи, что я испортил ему жизнь, причем два раза и оба раза – навсегда.

– Нет, скажите, – вопрошаю я тетю, – как одному человеку можно испортить жизнь раз и навсегда два раза? Ну ладно, с первым разом еще куда ни шло, согласен, испортил жизнь. А насчет второго извините-подвиньтесь! Правда же, тетушка?

– Конечно, – соглашается она, – да ты его не слушай. Попробуй этот салатик. Мне кажется, неплохо получилось.

Право, тетушка любит меня гораздо больше дяди.

– За твои, брат, художества! – провозглашает Жо, сверкая глазками из-под седоватых бровей.

Здорово нынче разошелся – этак все припомнит!

Было мне в ту пору уже лет шесть. Дядя со мной больше не сидел, стало быть, времени у него свободного достаточно, но, что само по себе чрезвычайно любопытно, и с девушками перестал по кинам бегать: «У меня, – говорит, – мечта есть!». Какая конкретно мечта – никому не рассказывал, боясь сглазу, но очень странная, это все подмечали: в послезузовском возрасте засел вдруг по-новой за иностранные языки. По вечерам, приходя с работы, оставался дома, садился за стол и читал со словарем газету «Москау ньюз», дальше – больше, увлекся арабским языком. А в выходные так и круглосуточно этим занимался.

Между тем, прежние девушки все еще названивали по телефону, хотя и много реже, чем прежде, но сам Жо трубку не брал, тому же, кто шел ее поднимать, кричал: «Меня нет дома!». Со мной этот номер не проходил. «Врать нельзя, – напоминал я ему абсолютную истину воспитания, – после чего спешил сообщить невидимой, но прекрасной незнакомке: дядя Жо

дома, сейчас приглашу!»». По дороге к телефону дядя Жо энергично тряс перед детским лицом кулачищем, огрубевшим на стройке, а в трубку вещал тоскливым голосом: «Сижу в няньках с молодым балбесом, не жизнь – каторга! О! Что-то опять на кухне натворил. Все, целую, бегу!», – и бросал трубку.

– Зачем врать, Жо? – удивлялся я, – со мной давно не сидишь, и на кухне ничего я не творю. Бессовестный ты.

– Это еще неизвестно, – отвечал дядя Жо, деловито пригладив у зеркала трехволновую прическу, – творишь ты или нет. Это будущее покажет. – И усаживался на прежнее место, за арабский с английским.

Как в воду глядел, бедняга. Надо сказать к тому времени, после того, как в детском садике обнаружили мой талант рисовальщика, и маме вечером воспитательницы рассказали о нем, папа срочно отвел меня развивать его в нулевой класс художественной школы. Школа была платная, и конечно, там детсадовский талант немедленно подтвердился за тринадцать рублей в месяц, плюс краски, карандаши, и кисточки самого лучшего качества, которых в нашем городе не оказалось, и родительский комитет художественной школы заказывал привозить их аж из столицы родины. Однажды, когда я болел ангиной и не ходил в садик, мой талант вдруг выплеснулся наружу мощным гейзером. Не знаю, что на меня тогда нашло, но так хотелось рисовать, так хотелось, что я затупил в работе все имеющиеся карандаши, изрисовав альбом новый, альбом старый, альбом акварельный, газеты и много другой бумаги.

Прилив творческой энергии бил изнутри неимоверный. Я даже отдувался, когда рисовал, так было жарко и волнительно. Что рисовал – не помню, да это и не важно в свете дальнейших событий, развернувшихся в квартире по приходу взрослых, а конкретно дяди Жо. Внезапно, вдруг, буквально ни с чего поднялся такой ужасный шум, какого прежде никогда никем не производилось! Кричал обычно негромко живущий дядя Жо, кричал дико взыскующим голосом. Вот будто убили его на поле брани, или в магазине, в очереди за фонариками затоптали, тогда бы, может быть, от невыразимой тоски я бы так над ним выл, вкуче со всеми прочими родственниками, а тут сам Жо, живой и здоровый принялся голосить безо всякого стеснения.

Следом раскрылась страшная тайна. Оказывается, не зря дядя Жо все вечера, как дурак, учил английский с арабским, отказывая девушкам в удовольствии посетить с ним кино или просто общаться, гуляя в вечернем сиянии уличных фонарей по проспекту. На то у него имела огромная, сокровенная тайна, заветнейшая мечта, которую Квазимодо сегодня уничтожил своими маленькими, противными ручонками, всеми в цыпках, которые выдрать с корнем не жалко! Оказывается, дядя Жо размышлялся поехать в удивительную страну Египет, где никогда не бывает зимы, страну древних пирамид, сфинксов, на великую реку Нил и там построить Асуанскую плотину. Жо грезил плотиной во сне и наяву, никому свои грезы не открывая, хотя давно написал заявление, и даже прошел медкомиссию.

Где-то в Москве неведомые органы изучали его подноготную долго-долго, а он все ждал и надеялся. Теперь откуда-то из глубочайших недр министерства пришли, наконец, специальные документы-бланки для окончательного заполнения, и эти бланки несносный пакостник зачеркал в дремучем порыве художественной страсти.

– Может, сходить, попросить другие бланки?

Дядя Жо перестал выть, саркастически присвистнул, после чего направился прямо ко мне. Я зажмурился, не пряча лоб, надеясь, что он сейчас вкатит здоровенный шелбан и простит, даже мама молча отвернулась от справедливой казни, но дядя Жора несчастным голосом, тем самым, каким разговаривал с девушками в последнее время по телефону, произнес:

– Ты разрушил всю мою жизнь.

Нынче он имеет по данному неприятному случаю другое мнение. Теперь, несмотря на то, что в Египет так и не поехал, говорит, сидя за столом: «Это были цветочки! Ягодки – впереди!».

И грозит пальцем сердито. На что тетя лишь хмыкает: «Ну-ну, сильно-то не расстраивайся, желчную побереги». Нет, тетя меня очень любит, не в пример дяде, прямо даже не верится иногда, что не она мамина сестра, а он мамин брат. Бывают в жизни казусы. Или ягодки, по выражению дяди Жо. Не глядя в мою сторону, сердито-дребезжащим голосом старик приступает к повествованию главного преступления перед прогрессивным человечеством, а мы с тетей машем на него руками, чокаемся и выпиваем за общее здоровье присутствующих.

После того, как Египет рухнул, Жо ни разу не назвал меня Арлекино, даже Квазимодо. Прямоходящий казалось ему слишком ласковым прозвищем, некоторое время величал Товарищем Пришибеевым и вдруг начал кликать Брутом. Кто такой Брут я не знал, но нетрудно сообразить, что много хуже Квазимодо. Однажды в его глаза вернулся прежний блеск: в некоем таинственном месте ему пообещали, что на следующий год состоится еще один набор на Асуан, тем более, что медкомиссия пройдена, идейно-политическая проверка тоже, и Жо с радостью уселся за языки. Учить их нынче несложно: по телефону девушки совсем перестали звонить. Тишина и благодать.

То, что наша дружба с Египтом окрепла, и дела на Асуане идут неплохо, в городе стало заметно по магазинным прилавкам. На них появились невиданные прежде засахаренные финики. Были они похожи на конфеты: тоже сладкие, но чересчур приторные, маслянистые, и в отличие от конфет, больше двух-трех штук при всем желании, съесть невозможно. Один Жо поглощал их с удовольствием без счета, при этом мечтательно заводя глаза в какое-нибудь непримечательное место комнаты, как наяву видел там оазис с финиковыми пальмами, голубое небо, голубой Нил, плотину, веселых загорелых арабов-строителей, а над всем этим раем круглогодично жаркое, курортное солнце. Косточки от засахаренных фиников он втыкал в цветочные горшки, некоторые из них потом взошли, а один стебелек принялся так здорово расти, что ему выделили отдельный горшок. Дядя Жо ухаживал за ним, поливал, подкармливал, как настоящий садовник.

– Что, – спрашивает однажды, – в кино идем, Брут?

Зная, что кличка плохая, я выставил условие:

– Если только с мороженым в вафельных стаканчиках.

– Куплю, – оборвал дядя и даже по карманам себя не хлопнул, как прежде, потому что зарабатывать стал очень прилично, бумажек у него полным-полно, а мелочь сдавал мне в копилку.

Девиц мы тот раз не склеили. Считаю, Жо виноват. Во-первых, после того, как потерял меня, взгляд у него сделался бегающе-затравленным, когда со мной куда идет, а во-вторых, седые волосы уже есть. Вроде и молодой, а... странный товарищ. Съели в фойе по стаканчику, отсидели в душном зале сеанс двухчасовой, вышли на улицу, смотрю, вдали мороженщица в белом халате у синей коляски на ветру зябнет, и никто у нее ничего не покупает по причине наступившей осенней прохлады.

– Дядя Жо, возьмем еще?

– Все, Брут, на сегодня хватит. Закашляешь, а мне перед мамашей твоей потом отвечать.

Я звякнул себя по карману:

– Пойдем, угощаю!

Но дядя уперся бревном, взял меня за руку и потащил на остановку. Дела у него срочные объявились, некогда ему стало. Но мне уже, извините, давно не четыре года, а целых шесть. Вырвался, да как вчищу через дорогу! Жо за мной! Добежали почти вместе, я вокруг мороженщицы запрыгал: «Тетя, спасите, меня дядя куда-то хочет утащить!». Тетя, не смотря, что совсем еще молодая, как разорется с ходу на дядю:

– Чего вы себе позволяете, гражданин? Как с ребенком обращаетесь? Сейчас милицию вызову, посадят вас на пятнадцать суток, тогда узнаете!

В те времена или дяди были другие, или милиция иная, но угроза подобного рода действовала безотказно. Тем более, что у Жо мечта любимая: Асуан строить, а с приводом в милицию черта с два возьмут за границу в теплые страны нарушителя порядка. Скис, извиняться начал.

– Тетенька, не надо милиции, дайте нам лучше три порции: ему, мне, и вам. Утощаю. Представьте себе, уговорил-таки, и его и ее и даже за бесплатно.

В результате, дядя Жо на стройку века в Египет не поехал по причине скорой, я бы даже сказал скоропалительной женитьбы. Финиковая косточка выдула со временем в огромное растение, которое до сих пор живет у нас дома. Через несколько лет семейный Жо переехал в новую квартиру, данную ему на стройке за хорошую работу, но пальму с собой не взял – где ей там разместиться при высоте потолков всего два метра с небольшим? Другое дело трехметровый рост ванной комнаты, где привольно раскинулись ветви пальмы, куда она за сорок лет буквально выросла, заняв весь потолок и стены.

Входишь сюда, как в оазис: справа от двери бочка с огромным мохнатым стволом, слева в углу возле входа пребывает чугунная ванна, появившаяся здесь лет тридцать назад, после чего крайняя ничейная жилплощадь и стала зваться ванной комнатой. А вокруг ванны, вниз от потолка по кафелю ниспадают длинными, обоюдоострыми ножами листья финиковой пальмы, чьи кончики высохли до состояния каменных наконечников стрел, приобрели негодную привычку колоть да царапать мокрое тело, так что возникают разные пренеприятные ассоциации. В отличие от дяди Жо, я, при виде Финюши, воображаю не курортный рай, а горячий пыльный песок, змей, скорпионов, и, стало быть, от Египта не в восторге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.